

Р. Баландин

ЛОМОНОСОВ

РУССКИЙ ЛЕОНАРДО

Великие исторические персоны

Рудольф Баландин

Ломоносов. Русский Леонардо

«ВЕЧЕ»

2013

Баландин Р. К.

Ломоносов. Русский Леонардо / Р. К. Баландин — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Великие исторические персоны)

ISBN 978-5-4444-8756-3

Может ли быть неизвестным, загадочным прославленный и признанный национальным гением Михаил Васильевич Ломоносов? Ему посвящено более десятка книг и сотни статей. Казалось бы, он-то известен и восхвален в полной мере. Принято считать Михаила Васильевича гением, возвышающимся над своим окружением и своей эпохой. Словно он возник, подобно высочайшей горе на ровном месте, силою каких-то таинственных глубинных явлений, игрою случая и сочетания врожденных необычайных качеств. Но, как известно, самые высокие горы находятся не на равнинах, а в крупнейших горных странах; крупные самородки встречаются в золотоносных россыпях. В этой книге Ломоносов показан в контексте русской и мировой истории.

ISBN 978-5-4444-8756-3

© Баландин Р. К., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Введение. Загадочный Ломоносов	6
1	6
2	8
3	9
4	11
5	12
Глава 1. Гений из русской глубинки	13
Родом из Гипербореи	13
Эпоха и личность	18
Предтеча-философ	23
Детство помора	27
Жажда познания	31
Глава 2. Приключения русского за границей	36
Между Византией и Европой	36
«Науки юношей питают»	41
Искушение свободой	44
Первые успехи и конфликты	49
Опасный путь на Родину	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Рудольф Константинович Баландин Ломоносов. Русский Леонардо

© Баландин Р.К., 2013

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Введение. Загадочный Ломоносов

*Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной...
И было все – вверху, как и внизу —
Исполнено высоких соответствий.*

Максимилиан Волошин

1

Может ли быть неизвестным, загадочным прославленный и признанный национальным гением Михаил Васильевич Ломоносов? Ему посвящено более десятка книг и сотни статей. Казалось бы, он-то известен и восхвален в полной мере.

С такими мыслями четыре десятилетия назад начал я читать книгу «М. Ломоносов. О слоях земных и другие работы по геологии» (1949). И с каждой страницей убеждался: не преувеличивал наш выдающийся ученый, историк науки и мыслитель Владимир Иванович Вернадский, когда писал в 1911 году, что лишь спустя 200 лет после рождения Ломоносова стал вырисовываться во всей грандиозности его облик «не только великого русского ученого, но и одного из передовых творцов человеческой мысли».

Однако и Вернадский, и все, кто писал о Ломоносове, в перечне его достижений не упомянули некоторые значительные открытия: теоретическое предсказание Антарктиды, идею морозной оболочки планеты (криосферы), предложенные методы определения возраста Земли...

Почему с таким огромным опозданием приходит понимание его провидений? Что это был за человек, сумевший преодолеть каноны своего времени и заглянуть далеко в будущее? Неужели на такое способен «простой архангельский мужик»? Чем объяснить его необычайные дарования и способность проникать мыслью в Неведомое?

Во многих областях познания проявился его творческий гений. Разнообразие его научных интересов необычайно: химия, физика, физическая химия, астрономия, география физическая и экономическая (его открытие), минералогия, горное дело; история, демография, грамматика, поэтика, языкознание, риторика.

При жизни был знаменит как поэт, драматург, просветитель. Теперь стало ясно: он был одним из наиболее образованных людей и крупнейшим естествоиспытателем XVIII века.

Принято считать, что в тот век величайшим гением был Исаак Ньютон. Под стать ему менее прославленный Роберт Гук, соавтор закона всемирного тяготения, проявивший свои таланты в механике, физике, биологии, геологии.

Ньютон признан великим натуралистом. Но следует уточнить: в области так называемых точных наук – физики, математики, астрономии. Его теологические труды не оригинальны, алхимические упражнения были бесплодными, а земная природа и гуманитарные знания остались вне его творчества...

Кто-то усмехнется: вот, мол, проявление квасного патриотизма. Как можно сопоставлять всемирно признанного гения Ньютона с известным только у себя на родине Ломоносовым?! Это же разные научные величины!

Англичане постарались, чтобы имя их знаменитого ученого вошло в историю человечества. Этому благоприятствовало то, что тогда физика, механика, математика стали активно содействовать прогрессу техники, промышленности. Познание земной природы отошло на второй план.

Ньютон провел множество математических расчетов, доказав закон всемирного тяготения; усовершенствовал телескоп. А первым открыл атмосферу на Венере Ломоносов, которого интересовала не механическая система движения небесных тел, а живая жизнь природы.

2

Сами по себе энциклопедические знания могут свидетельствовать о хорошей памяти, бессистемной любознательности, поверхностных знаниях и отсутствии значительных достижений хотя бы в одной сфере деятельности. Понемногу знать о многом – вот и все.

«Многознание уму не научает», – говаривали в Античности. Много позже английский историк и философ Генри Томас Бокль отметил: «Мы часто встречаем людей, ученость которых служит орудием их невежеству, – людей, которые чем больше читают, тем меньше знают».

Энциклопедизм Ломоносова – редчайшее исключение. Чем бы он ни занимался – успехи его были выдающимися. Есть, конечно, исключения, но их немного.

По словам академика С.И. Вавилова, «М.В. Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в истории культуры всего человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гёте были более специальными и узки. Замечательно при этом, что ни одно дело, начатое М.В. Ломоносовым, будь то физико-химические исследования, трагедия и оды, составление грамматики и русской истории, организация и управление фабрикой, географические проекты, политико-экономические вопросы, не делалось им против воли или даже безразлично».

Как поэт Ломоносов ощущал цельность, гармонию и величие Природы, умел выразить подобные чувства. Он обладал способностью, говоря словами поэта, художника и мыслителя Уильяма Блейка:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.

Единство чувств, мыслей и слова по отношению к Природе – такова философия естествознания, по Ломоносову. Она воплощалась в конкретные научные открытия. Некоторые из них были осмыслены лишь через много десятилетий.

Славе Ломоносова немало помешала... необычайная мощь его гения. Большинство его открытий, как говорится, «опережали время». Скажем, закон постоянства массы (вещества) он сформулировал и доказал, проводя опыты, в 1760 году, о чем написал Эйлеру, сделал сообщение на торжественном заседании Императорской Академии наук, опубликовав статью. Антуан Лоран Лавуазье сделал то же открытие, названное его именем, через 29 лет.

Ломоносов был мудрым, увлеченным, честным читателем и толкователем Евангелия от Природы – окружающего и пронизывающего нас мира. Он воспринимал эту великую Книгу как единственно бесспорное, истинное откровение Божественного Разума.

Поэтический восторг, религиозное созерцание, философские умозрения, логика здравого смысла, эмпирическое знание, стремление принести пользу и славу своему народу, Отечеству – все это сплавлялось в нем воедино для познания сокровенной правды Природы.

Не мудрствуя лукаво, он полагал: «Те, кто пишут темно, либо невольно выдают этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют».

Он обладал необычайной ясностью мысли и высокой культурой мышления.

3

Перевод античного стихотворения
(подражание Анакреонту):

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет», —
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».

Я не тужу нимало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел.

Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Когда это написал Михаил Ломоносов, подобные стихи – пушкинской легкости и простоты – на русском языке еще не появлялись. К тому времени Ломоносов действительно отчасти польсел и поседел. Этим ничуть не печалился. Правда, весельчаком его вряд ли можно назвать. Но на слово был остер. Его эпиграмма на ханжу:

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестный мир.
Ушла в глубокую пустыню,
Заевшись вся в голландский сыр.

Как лирик он не снискал себе славы. Его считают ярким представителем высокопарного стиля од. Хотя некоторые его строки не лишены изысков, причудливой и отчасти нарочитой словозвуковой вязи:

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят,
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят...

... Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Над бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

Привожу эти стихи, чтобы показать: тот, кого мы чтим как великого ученого, был человеком необычайным. Не знаю, кто еще на свете мог бы сравниться с ним по разнообразию талантов. Александр Сергеевич Пушкин сказал о нем: «Он... сам был первым нашим университетом».

Кто-то, возможно, поморщится. Ну и что? Именем его назвали МГУ. Воздали должное. Многосерийный телефильм вышел: «Михайло Ломоносов». Со школьной скамьи все уши прожужжали: Ломоносов, Ломоносов! Да ведь родился он 300 лет назад. С той поры все изменилось радикально: наука, и техника, и мир вокруг, и люди. Какой смысл теперь толковать о нем?

Кое-кто вспомнит: в сталинские времена поощряли русский национализм, восхваляли русских полководцев, писателей, изобретателей, ученых. И с Ломоносовым носились как с писаной торбой. А что им такого особенного создано? В Академии наук пьяные дебоши учинял, немецких специалистов бил. Благо, здоров был, как медведь. Слава-то у него сталинской пропагандой раздутая!

Подобные мнения приходится слышать нередко. Но – от людей, знающих о жизни и трудах Ломоносова понаслышке и не в контексте истории науки. Современники не смогли понять и оценить многие его достижения. До сих пор он остается едва ли не самым загадочным гением.

Ему удавалось предвидеть то, что откроют другие через десятки, а то и через две сотни лет. Откуда у него, выходца из российской глубинки, такая интеллектуальная мощь?

...В наше трудное время Ломоносов напоминает жителям России, что означает в действительности наша Родина, каков колоссальный творческий, интеллектуальный потенциал хранит русский народ.

4

Жизни и творчеству Михаила Васильевича посвящена, из последних, основательная книга Евгения Лебедева «Ломоносов» (М., 1990). С ней рекомендую ознакомиться тем, кто хотел бы знать больше о предках, событиях жизни, литературном творчестве нашего великого соотечественника. Но одно хочу сразу отметить.

«Приходится с сожалением констатировать, – пишет Е.Н. Лебедев, – что нынешнему поколению Ломоносов почти неизвестен. Он даже не прочитан как следует... Что же касается естествоиспытателей, то иные из них, читая Ломоносова, не могут преодолеть в себе отрицательных эмоций, связанных с самим этим именем, памятуя о том времени, когда палачи науки громили им „космополитов“, забывая о том, что Ломоносов не может отвечать за это».

Таково прискорбное наследие периода «перестройки» и «реформ», политическая установка. Кто эти громили, колотившие космополитов Ломоносовым, как дубиной? Мне такие неизвестны. И когда они злодействовали? Загадка.

В середине прошлого века было издано несколько серьезных исследований на данную тему. Из них наиболее «идеологична» небольшая книжка Г. Васецкого «М.В. Ломоносов. Его философские и социально-политические взгляды» (1940). Но в ней нет нападок на космополитов. То же относится к статье академика С.И. Вавилова в послевоенном выпуске журнала «Большевик».

Г. Васецкий в 1950 году писал: «Лучшие традиции разностороннего творчества Ломоносова и сейчас служат советскому народу, его интеллигенции в борьбе за дальнейшее развитие советской науки и культуры, против врагов нашего народа и врагов всего прогрессивного человечества». Неужели такие высказывания (ничего более «погромного» я не встретил) вызывают «отрицательные эмоции» у иных деятелей наук и искусств?

Эти самые «безродные космополиты», как их некогда величали, «низкопоклонники перед Западом» и «внутренние эмигранты» в наше время стали у нас определять трансформацию национальной культуры, включая, конечно, науку. Результаты очевидны.

Определенный контингент наших сограждан с насмешкой отзывается о Ломоносове не из-за надуманных погромов науки, а не желая признавать приоритеты русских ученых, русской науки.

При советской власти объемистую книгу Е.Н. Лебедева издали тиражом 150 000 экземпляров. Будет ли что-нибудь подобное в наше время с книгой о Ломоносове или о любом другом нашем великом мыслителе? Только в нынешний, юбилейный, год о нем вспомнили...

В данной работе значительное внимание уделено «неизвестному Ломоносову», его прозрениям (некоторые из них до сих пор не оценены по достоинству). Хотелось бы понять определяющие черты личности этого человека и обстоятельства, которые содействовали ее становлению.

Появилась даже версия: Михаил Ломоносов был «незаконным» сыном императора Петра I, чем и объясняется его необычайная судьба. Как бы мог сын крестьянина с окраины России получить высшее образование в феодальном государстве, общаться с вельможами, стать дворянином и академиком!

Вот уж поистине неизвестный Ломоносов даже по обстоятельствам своего появления на свет.

5

Ломоносов олицетворяет одну из решающих эпох в жизни России. Он был не только порождением своего общества и времени, но и во многом определил дальнейший путь развития русской культуры.

До него ее основой была религия (наследие Средневековья). Его творчество привнесло в русскую мысль важнейшие для Нового времени научные и философские идеи, теории, учения.

По словам Вернадского, «Ломоносов был плоть от плоти русского общества; его творческая мысль протекала – сознательно и бессознательно – бесчисленными путями в современную ему русскую жизнь». И еще: «Стремясь к истине, он в то же время верил в гуманитарное, человеческое ее значение. Полный жизни и энергии, он сейчас же стремился воплотить эту свою веру в жизнь».

Принято считать Михаила Васильевича гением, возвышающимся над своим окружением и своей эпохой. Словно он возник, подобно высочайшей горе на ровном месте, силою каких-то таинственных глубинных явлений, игрою случая и сочетания врожденных необычайных качеств.

Но, как известно, самые высокие горы находятся не на равнинах, а в крупнейших горных странах; крупные самородки встречаются в золотоносных россыпях. В этой книге Ломоносов показан в контексте русской и мировой истории.

Глава 1. Гений из русской глубинки

Если присмотреться, то окажется, что наибольшая часть жизни многих растрачивается на дурные дела, немалая часть – на безделье, а вся жизнь в целом – вообще не на то, что нужно.

Луций Аней Сенека, I век

Родом из Гиперборей

За последнее время появилось немало публикаций о загадочной Гиперборее – стране на краю света. Ссылаются при этом на сообщение Геродота, жившего два с половиной тысячелетия назад, и более поздних античных авторов.

Плиний Старший, римский ученый I века, писал: «Солнце светит там в течение полугода. И это только один день... Домами для этих жителей являются рощи, леса; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит только от пресыщения жизнью. Нельзя сомневаться в существовании этого народа».

Подобные высказывания вдохновляют некоторых поборников идеи о глубочайшей древности русского народа. Говорят, будто где-то далеко на Севере находилась в доисторические времена великая цивилизация, подобие Заполярной Атлантиды. Если так, то феномен Ломоносова объясним: потомок гиперборейцев проявил свои необычайные врожденные способности.

«Доктор философских наук Валерий Демин, – пишет журналистка Н. Лескова, – посвятил много лет доказательству того, что наши предки жили на Земле уже 20 тысяч лет назад. По его мнению, это была уникальная цивилизация, которая владела знаниями в области высоких технологий и даже строила самолеты, при помощи которых, используя аэрофото съемку, была создана, например, карта Антарктиды».

Такие вот нынче исторические и географические новости. С этих позиций можно предположить, что Михаил Ломоносов знал об Антарктиде из каких-то сокровенных гиперборейских источников... Короче говоря, открывается обширное поле для фантастических версий.

Однако еще две тысячи лет назад римский географ Страбон советовал не доверять пишущим о том, что сами не видели, пересказывая слухи: «Незнакомство с этими странами заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические „Рипейские горы“ и „гиперборейцев“». Он имел в виду авторов, сочинявших небылицы о племенах, живших севернее Балкан, Северного Причерноморья и Прикаспия.

...О происхождении северных славян, россов, оставил интересное, не утратившее своего значения исследование М.В. Ломоносов. О гиперборейцах он даже не упомянул, хотя был хорошо знаком с географическими сочинениями Античности. Но в массовой печати, по телевидению о его работах не вспоминают, а гиперборейцев упорно рекламируют.

Из этого следует неутешительный вывод о состоянии общественного сознания тех современных «россиян», которые предпочитают гордиться не реальными великими свершениями России-СССР, а своими мифическими предками.

Сведения о природе далеких северных стран географы Античности узнали после плаванья Пифея (около 2,6 тысячелетия назад) в Северное море и, возможно, к Шетландским островам или к берегам Норвегии. Правда, Страбон считал его отменным лжецом, но именно Пифей писал о том, что на Севере солнце заходит летом всего на 2–3 часа.

Жителям Средиземноморья казалось, что нормальная человеческая жизнь невозможна там, где бывает снежная морозная зима. Вот и возникли легенды о гиперборейцах, которых обычно считали дикарями. Разве может нормальный цивилизованный человек жить в подобных условиях?

Нет, не выдуманная, а реальная русская Гиперборея стала родиной одного из титанов эпохи Просвещения – Михаила Васильевича Ломоносова.

Правда, европейцы еще до XVIII века убедились, что и в северных приморских землях обитают нормальные люди, а не троглодиты. Южане считали их варварами, сильными, храбрыми и выносливыми, хорошими воинами и работниками, но только не мыслителями.

По мере распространения в Европе городов, монастырей, университетов, они становились центрами духовной культуры. В крупных городах – лучшие учебные заведения и преподаватели, библиотеки, музеи, академии. Здесь, при дворах вельмож и правителей, богатых меценатов, собираются известные поэты, философы, художники, инженеры. Не здесь ли наиболее благоприятные условия для появления крупных мыслителей, ученых, деятелей культуры?

Да, на некотором этапе обучения или первых самостоятельных работ полезно находиться в культурном центре. Но в детстве и юности самое главное, чтобы в человеке не угасала любознательность. Когда легко удовлетворяется эта потребность, ребенок может утратить первые порывы. А тот, кому приходится преодолевать препятствия на путях познания, порой достигает выдающихся успехов.

Так было с Михаилом Ломоносовым.

Его родина, Северная Русь, издавна давала приют людям смелым, смышленным, вольнолюбивым. Здесь не было крепостного рабства и ордынского ига. Местные жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, торговлей. Поморы были отличными мореходами.

Разнообразие занятий и промыслов при относительной свободе (абсолютная бывает лишь при изоляции от всех других людей) расширяло кругозор поморов. Однако выбрать себе занятие по душевной склонности было трудно. Приходилось с детства приобщаться к делам родителей.

Обычно считается, что в эти края бежали от гнета бояр и помещиков крепостные крестьяне. Вряд ли таких беглых людей было здесь много. Они предпочитали южную часть России. Не случайно именно там вспыхивали наиболее мощные бунты.

На Севере, как говорится, не забалуешь. Тут надо умело и напряженно вести хозяйство, действовать сообща, помогая друг другу, в общине. Чужака тут так просто не примут. Не случайно на Русском Севере оставалось много раскольников, староверов. Здесь жизнь была устойчивой и отчасти архаичной, по традициям Средневековья, которое в России сохранялось дольше, чем в странах Западной Европы.

Осваивали Русский Север главным образом жители вольного Великого Новгорода – крупнейшего торгового, промышленного и культурного центра Северо-Западной Руси. Происходило это с X-XI веков. Продвигались почти исключительно по рекам, озерам, а затем вдоль берегов Белого и Студеного (Баренцева) моря. Со временем на этих путях устраивали сначала временные, затем постоянные поселения.

На ладьях-ушкуях отважные первопроходцы выходили в Студеное море. Одни направлялись на запад, доходя до острова Груманта (Шпицберген). Нельзя считать это «окном в Европу». На северной окраине Скандинавского полуострова находились только редкие небогатые поселения норвежцев.

Ушкуйники совершали походы на восток до Новой Земли и даже дальше. Но это были либо промысловики, либо дружины, собиравшие дань с коренных жителей северо-восточ-

ной окраины Европы. «Вольные люди» обычно селились в некотором отдалении от моря, где могли заниматься сельским хозяйством, охотой, рыболовством.

Одними из наиболее привлекательных в этом отношении были земли в низовьях полноводной Северной Двины, в частности район Холмогор. Суровая и величественная северная природа, разные виды хозяйственной деятельности, опасные выходы на промысел в Студеное море формировали особую разновидность северных славян, крепких телом и духом, имевших широкий кругозор.

...К сожалению, в подобных общих рассуждениях невольно начинаешь подгонять факты, идеи под готовый ответ. Можно подумать, будто едва ли не каждый помор обладал достоинствами Михаила Ломоносова. Нет, конечно. И все-таки не случайно его родиной был этот край с непростой историей и своеобразными жителями.

На Балтийском море славяне, в том числе и новгородцы, хозяйничали уже давно. «В XI веке, когда могущество викингов клонилось к закату, – писал польский историк Яцек Маховский, – их место на Балтике заняли предприимчивые ругийские, поморские и другие славянские пираты. На кораблях, экипаж которых составлял более сорока человек, они плавали по Балтийскому морю в разных направлениях, достигая порой даже районов Северного моря».

Морскими разбойниками становились представители разных племен и народов – не столько из корысти, сколько по бедности. Обычно это были разорившиеся рыбаки или торговцы, обездоленные крестьяне, беглые рабы или преступники. Из-за бесчинства варягов морская торговля на Балтике захирела, и пираты решили напасть на крупный город. Для этого собрали более семи сотен ладей, если верить исландскому летописцу.

Морские разбойники напали на богатый торговый город Конунгахалла на юге Норвегии 10 августа 1136 года. Руководил дерзкой операцией князь Ратибор. В ладьях у нападавших, как было принято у викингов, варягов, находились не только воины с оружием; некоторые имели лошадей. Это позволило, высадившись на берег, быстро ворваться на улицы города, жители которого не смогли организовать оборону. Запылали первые дома. Пользуясь паникой, захватчики убивали бегущих. Город сожгли, а многих жителей, сделав рабами, увезли с собой.

Но в истории северо-западных славян подобные набеги были не правилом, а исключением. В 1251 году послы Александра Невского, по Балтийскому морю прибыв в норвежскую столицу Нидар (Тронхейм), заключили мирный договор. Вообще, славяне, в отличие от германцев, предпочитали заниматься мирным трудом. Это подчеркнул немецкий мыслитель из Кенигсберга, историк, философ, лингвист, культуролог Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803): «Славяне никогда не были народом воинственным, искателями приключений, как немцы... По всему берегу Варяжского моря, начиная от Любека, они построили морские города; Винета на острове Рюген была среди этих городов славянским Амстердамом».

Историк географии В.А. Маркин пишет: «В середине XIII века новгородцы основали на северном побережье Кольского полуострова селение Кола, а через семь десятилетий появился богатый монастырь в Печенге, занимавшийся торговлей рыбой и солью и даже строительством небольших морских судов».

Московский дьяк Григорий Истома, отправленный великим князем Иваном III послом в Данию, первым совершил путешествие вокруг северных берегов Скандинавского полуострова, двигаясь с востока на запад. „Мы перенесли свои суда и груз через перешеек в полмили шириной, потом проплыли в землю дикой лопи... Здесь, оставив лодьи, мы дальнейший путь проделали по суше, на санях“. Так Истома рассказывал о своем путешествии австрийскому послу в Москве Сигизмунду Гербенштейну. Лопари на оленьей упряжке доставили московского посла в город Берген, откуда он отправился к королевской столице на лошадях».

...В конце августа 1553 года английский корабль под командованием капитана Ричарда Ченслера в поисках северного пути в Китай и Индию вошел в устье Северной Двины. Царь

Иван IV пригласил капитана в Москву. Поздней осенью из Холмогор через Вологду и Ярославль Ченслер направился в столицу.

Особенно поразил его путь из Ярославля до Москвы. Он писал: «Местность между ними тесно заполнена малыми деревнями, в которых так много людей, что удивительно видеть их; земля обильно родит зерно, которое они везут в Москву в таком количестве, что это приводит видящего в удивление. Вы встретите утром семь или восемь сотен саней, идущих туда и оттуда, некоторые из них везут зерно, другие – рыбу».

В 1555 году в Лондоне была организована торговая компания, получившая от правительства привилегию на торговлю с Архангельском. Еще раньше в Архангельске побывали голландские купцы. Конечно, этот город на Северной Двине нельзя назвать широко открытым окном в Европу. Но до основания Санкт-Петербурга от него проходил морской путь к странам Западной Европы – неблизкий, достаточно опасный, но приносящий выгоду торговцам.

Для жителей северо-западного региона России было важно наладить тесные торговые связи с богатыми западными странами. Этому препятствовали враждебные Швеция, Польша, Дания и немецкий Ливонский рыцарский орден, укрепившийся в юго-восточной части Прибалтики.

В мае 1558 года русские войска вошли в Ливонию и овладели Нарвой (древнерусский Ругодив) – крупным портом в устье реки Нарвы, впадающей в Финский залив. Некоторое время русские купцы смогли более или менее спокойно чувствовать себя на Балтике. Продолжалось это недолго. С юга на Русь то и дело вторгались крымские татары, порой даже угрожая Москве. А в борьбе за господство на Балтике против России активно выступили Швеция и Польша с Литвой.

Иван Грозный, потерпев поражение в Ливонской войне, вынужден был отказаться от своих завоеваний. Доступ русским купцам в Балтийское море фактически был закрыт. У Северо-Западной Руси вновь остался лишь один путь в Атлантический океан – через Студеное (Баренцево) море.

«В конце XVI века в Холмогорах, – по словам писателя Г.П. Шторма, – появилась канатная фабрика, на которой работали английские мастера. В конце XVII века в Архангельске было уже 29 домов, принадлежавших иностранному купечеству. В порт ежегодно приходило около 40 торговых кораблей».

Тогда же в селе Вавчуга, недалеко от Холмогор, братья Баженины устроили механическую лесопильню по немецкому образцу. От царя они получили грамоту, разрешающую продавать пиленный лес в России и за морем. Затем в Вавчуге организовали верфь, парусные и канатные мастерские, выписав мастеров из Голландии.

Так далекая окраина России оказалась одним из наиболее активных и развитых регионов державы. Одно уже то, что здесь не было ни ордынского ига, ни крепостного права, способствовало становлению людей с высоким чувством собственного достоинства. Свободный человек имеет возможность наиболее полно проявлять свои способности.

С XVII века поморы стали осваивать далекую северную землю Грумант (Шпицберген). Нередко они уходили туда с зимовкой – на долгую полярную ночь. Там на необитаемых островах устраивали базы, охотясь на моржей, тюленей, белых медведей, оленей.

В 1743 году судно поморов потерпело крушение у берегов Груманта. Из 14 человек в живых остались штурман Алексей Химков и матросы Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин. У них было одно ружье и 12 патронов. Им суждено было прожить на острове 6 лет.

Эта заполярная «робинзонада» не идет ни в какое сравнение с теми трудностями, которые выпадали на долю оставшихся на тропических необитаемых островах. Одна лишь морозная полярная ночь – страшное испытание.

Патроны вскоре кончились. Оружие – копья и стрелы, лук и рогатину – изготовили из деревьев и досок, выброшенных на берег. Тетивой служили жилы животных, одеждой – шкуры оленей, медведей, песцов. Обточенные гвозди из досок пошли на иглы. Из суглинка сделали котел...

Лишь один из них – Веригин – не выдержал: он был в унынии, не пил оленью кровь, заболел цингой и скончался. Остальных троих спасли земляки, случайно оказавшиеся близ острова. Этот случай показывает, какими сильными духом и телом, умелыми и смысленными были поморы.

Михаил Ломоносов был под стать таким незаурядным людям. Однако судьба человека выдающегося зависит не только от его личных качеств и благоприятных обстоятельств, но и от особенностей его времени.

Выражение «Такие личности появляются один раз в столетие» – не более чем словесный оборот. Гениями не рождаются (об этом – в последней главе).

Появилась версия, будто Михаил Ломоносов был сыном Петра I. Мол, не мог же сын крестьянина получить высшее образование и стать академиком, да еще проявить свои выдающиеся способности. Ничего такого не произошло ни с одним другим крестьянином, несмотря на то, что они составляли подавляющее, хотя и подавленное крепостничеством большинство населения России.

(Кстати, есть не менее странный слух, что незаконнорожденным сыном Пржевальского был Иосиф Джугашвили; поэтому родной отец его не любил и порой поколачивал, а русская культура была Сталину близка.)

Царь Петр Великий посещал верфь в Вавчуге, недалеко от Холмогор. Но на Курострове он не бывал и дом Василия Дорофеевича, отца Михаила, не посещал. Наивно предполагать, будто замужняя женщина, да еще строгих поморских нравов, могла какими-то неведомыми путями угодить в постель к царю, да так, что об этом никто не узнал.

«Царственное» происхождение Михаила Ломоносова стали всерьез обосновывать и обсуждать в эпоху «перестройки и реформ». Вдруг повсюду стали восхвалять дворян и царей как «цвет нации». Показательный факт деградации общественного сознания и пример затмения умов в смутные времена! Каждая эпоха определяет основные направления общественной мысли.

Неужели великие мыслители, ученые, писатели возникали главным образом в самых знатных родах? Законный сын Петра Великого не отличался талантами. А граф Лев Толстой и князь Петр Кропоткин порвали с той средой, которая при самых благоприятных условиях воспитания и образования штампует посредственности. Незаурядная личность не приспособляется к социальной среде, а преодолевает ее давление.

Говорят: «Человек, опередивший свое время». Это означает, что он, оставаясь представителем данной эпохи, не приспособлялся к ней, а был устремлен в Неведомое. Творческие натуры существуют в любую эпоху. Они определяют пути дальнейшего развития общества, культуры, идей.

Любые наследственные задатки требуют развития. Личностями не рождаются, а становятся по мере взросления, воспитания и образования.

Эпоха и личность

Понять явление Ломоносова помогает общее представление о смене эпох в общественном сознании. В нем совместились черты личности сразу трех эпох: Возрождения, Просвещения и Нового времени. Объясняется это особенностями истории нашей страны.

Реформы Петра I в России были революционными преобразованиями, определившими переход к эпохе Возрождения и Просвещения почти одновременно, а также начало индустриализации. В Западной Европе такой период занял два-три столетия, а на Руси – несколько десятилетий.

С чем привычно соотносится эпоха Возрождения? С расцветом искусств, литературы, философии; с именами Леонардо да Винчи, Микеланджело, Дюрера, Боттичелли, Боккаччо, Петрарки, Джордано Бруно, Шекспира... Подчас Возрождение преподносят как светлую зарю, осветившую тысячелетний сумрак Средневековья.

Но рассвет Нового времени в Западной Европе был высвечен багровыми отсветами костров инквизиции, пожаром религиозных войн. Именно теперь стали бестрепетно сжигать десятки, сотни еретиков и десятки тысяч язычников, колдунов, ведьм. Но появились и великие творцы – в искусстве, философии, науках.

Это был героический период Европы. Ярко проявили себя мятущийся дух человека, его творческие устремления. На Руси столь бурного завершения Средневековья не было. Сказывалось подавляющее господство религиозного мировоззрения при робких философских исканиях, которые строго, а порой и жестоко пресекались Церковью.

Принято считать XI–XV века классическим европейским Средневековьем, когда окончательно сформировался и отчасти достиг совершенства феодализм. Далее XVII века происходили его разложение и формирование капиталистического способа производства.

Таков политико-экономический взгляд на историю, не лишенный упрощений. Ведь смена исторических эпох не происходит одновременно в разных странах, подобно календарным датам или затмениям Луны. В жизни каждого из нас тоже происходят смены состояний физического и психического – и не у всех же одновременно.

Предтечей литературы Нового времени стал Данте, философии – Николай Кузанский, астрономии – Николай Коперник, первооткрывателей – Колумб. Каждый из них был сыном своей эпохи. Их объединяли устремленность в Неведомое, активная творческая энергия.

Чем же благоприятствовала историческая обстановка европейского Возрождения расцвету духовной культуры? Многие из славных сынов этого времени претерпели страдания, нищету, гонения; томились в тюрьмах или даже были казнены. Им приходилось поступать на службу к феодалам, богатым вельможам, церковным иерархам. Те, кого мы величаем титанами, совершали свои творческие подвиги подобно Геркулесу, вынужденному служить подленькому мелкому тирану.

Этим людям приходилось нелегко. Нередко им грозила смерть. Только учтем: благоприятствует великим открытиям и прозрениям не благоденствие, не сытое и спокойное существование, а яркая и напряженная общественная жизнь, духовная неудовлетворенность, устремленность к новому, лучшему, более совершенному и прекрасному.

Но почему вдруг людям стал тесен более или менее уютный и устойчивый мир Средневековья? Почему пробудились мощные творческие силы? Был ли это действительно возврат к славной и светлой Античности?

Возврата к прошлому не было, если не считать некоторые черты подражания Античности в архитектурном стиле, в скульптуре, живописи, литературных произведениях. Смысл переходной эпохи иной. Его подготовила материальная и духовная культура Средних веков.

В Европе реализовались три великих изобретения, в значительной мере изменившие ход ее истории: порох, компас, книгопечатание.

Лаборатории алхимиков и мастерские ремесленников стали очагами, где формировалась техника будущего. Сложные механизмы использовались в водяных и ветряных мельницах, на шахтных разработках, в производстве часов. Новая техника содействовала зарождению индустрии, дальним плаваниям, открытию и захвату, а также изучению неведомых земель. В Средние века возникли в Европе университеты, которые стали центрами философской и научной мысли, просвещения.

Естествознание находилось в зачаточном состоянии. В нем не ощущалось особой нужды. Средневековый человек чувствовал свое единство со всеми тварями земными, с окружающим миром. В природе он искал и находил нечто необыкновенное. Многообразные явления и существа представлялись воплощением замыслов Высшего Разума. За видимым миром чудился незримый, бесконечно сложный и прекрасный.

Средневековые мыслители воспринимали природу как тайнопись, как сочетание загадочных символов и знаков, данных человеку свыше. По этим приметам и знамениям пытались прояснить законы общества и природы, предугадывать политические события или катастрофические явления – эпидемии, неурожай, землетрясения и многое другое.

Все это с позиций современной науки – предрассудки и заблуждения. Но есть у них и важный подтекст. Они предполагают, что человек способен постигать высшую мудрость через ее проявления в природе, способен открывать законы бытия. И пусть алхимик, производя свои опыты, верил в волшебную возможность превращать в золото простые металлы или сотворить эликсир бессмертия. Это помогало обнаруживать новые качества веществ, связи между элементами и синтезировать полезные соединения.

Избрав в качестве авторитета Аристотеля, схоласты поступили мудро: многие идеи великого философа глубоки и плодотворны, например его система логики. Правда, любые идеи, превращенные в догму, быстро каменеют и мешают развитию мысли.

Убедительным свидетельством серьезных социальных и духовных перемен в XVII веке стали первые буржуазные революции в Нидерландах и Англии. Другая характерная черта – создание научных организаций. Во второй половине XVII века были учреждены Лондонское Королевское общество и Парижская академия естественных наук.

Развитие промышленности, мануфактур, оснащенных механическими устройствами, вызвало настоятельную потребность в развитии теоретических основ механики; складывались физико-математические, химические и технические науки. Все это свидетельствовало о становлении «века разума», сменившего «век веры» (если пользоваться терминологией немецкого историка Д. Дрэпера). Уже прошла первая волна Великих географических открытий и началась эксплуатация колоний.

Характерная примета времени – триумф механики и механистического мировоззрения. Еще великий философ Возрождения епископ Николай Кузанский называл Мироздание мировой машиной, но при этом верил в присутствие во Вселенной души и божественного разума. А один из первых президентов Лондонского Королевского общества, Роберт Бойль, считал мир только космическим механизмом.

Исаак Ньютон был такого же мнения, хотя верил в Бога и даже сослался на Него в своих знаменитых «Математических началах натуральной философии» (1687). Но уже само название работы показывает, что речь идет о механистическом мировоззрении.

У Михаила Ломоносова отношение к системе Мироздания было иным. И это было связано с традицией эпох Средневековья и Возрождения, а также с благоговением перед природой, столь характерным для верований, считающихся в христианстве языческими. Такой народный поэтический взгляд на природу воспринял Михаил Ломоносов с юных лет.

«Наблюдения над жизнью Ледовитого океана, – писал В.И. Вернадский, – сделанные в свободной среде, далекой от научных предрассудков и схем, среди свыкшихся с морем и его мощью наблюдательных и энергичных русских моряков, накопивших опыт поколений, позволил Ломоносову понять в строении суши отражение бывшей на ее месте морской жизни. Вопросы геологии предстали перед ним в живой связи с окружающей его живой природой».

И не только – вопросы геологии. Ломоносов воспринимал мир как единый организм, где все соединено непостижимыми во всей своей полноте взаимосвязями, которые человек стремится постичь. Законы небесной механики – формальные модели Мироздания – его мало интересовали.

Звездная бездна со всем ее великолепием и грандиозностью остается для человека лишь частью его родной земной природы. Таково средневековое мировоззрение, в центре которого человек на Земле.

В отличие от ученых западноевропейского Просвещения Ломоносов совместил традиционный, земной, сугубо человеческий взгляд на Вселенную с новым представлением о нашей планете как песчинке в космическом вихре звездных миров.

...Эпоха Возрождения знаменовала расцвет поэзии, живописи, ваяния и зодчества, острую борьбу за свободу мысли от оков религиозных догм, а также зарождение промышленного производства. В это время впервые за долгие Средние века ярко проявилась индивидуальность в культуре, интеллектуальной сфере.

Раскрепощение человеческой личности, духовная свобода и творческие дерзания титанов Возрождения стали предпосылками для поисков научной истины. По словам советского историка философии А.Х. Горфункеля, «новое отношение к человеческой личности в культуре гуманизма теснейшим образом связано с новым пониманием природы». Началось формирование человека «многостороннего, свободного, не скованного властью догм и традиций, с развитым чувством собственного достоинства».

Это в полной мере относится к Ломоносову.

Но для того, чтобы он стал выдающимся поэтом, ученым, просветителем, одних только его личных качеств было слишком мало. В России первой половины XVIII века, помимо феодальной закрепощенности сословий, сказывалось засилье иностранцев. Оно стало невыносимым при императрице-немке Анне Иоанновне (1730–1740) и ее фаворите Бироне.

«На ключевых постах в органах власти и управления, – писал советский историк М.Т. Белявский, – находилась целая группа иноземных, в первую очередь немецких, дворян, сплотившихся вокруг Бирона. По меткому выражению В.О. Ключевского, они „посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении“. Армию возглавил фельдмаршал Миних, Коллегию иностранных дел – Остерман, уральские заводы – Шемберг, Академию наук – Шумахер, двор и гвардию – братья Левенвольде. Эта придворная клика, безжалостно грабившая русский народ и государственную казну, проводила антинациональную политику да еще рядилась в тогу благодетелей и „просветителей“ России. Не случайно именно в это время выдвигается и пропагандируется норманнская теория происхождения Русского государства».

Против этой теории суждено было выступить Ломоносову. Но не бывать бы ему в Академии, если бы к этому времени не произошли дворцовые перевороты, в результате которых на престол взшла дочь Петра Великого Елизавета, царствовавшая с 1741 по 1761 год. Русские вельможи избавились от бироновщины и стали во многом определять внутреннюю и внешнюю политику страны, а также поддерживать своих соотечественников.

Без этих изменений в обществе не свершилось бы явление Ломоносова. Какими бы талантами ни был одарен человек, на его судьбе непреодолимо сказываются особенности эпохи.

Но разве не был Петр Великий, сам того не зная, крестным отцом Михаила Васильевича Ломоносова?

Внимательно изучавший историю академической науки в России Владимир Иванович Вернадский отметил: «Для России чрезвычайно характерно, что научная работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в. была связана прямо или косвенно с государственной организацией... Более обеспеченные массы населения – православное духовенство и поместное дворянство – почти совершенно не участвовали в этом национальном деле. В традиции православного духовенства никогда не входило исполнение этой задачи; в этом оно резко отличалось от духовенства католического или протестантского, среди которого никогда не иссякала естественнонаучная творческая мысль».

И еще: «В истории научной работы в России, – писал он, – подымается при самом начале личность царя Петра. Он не сделал научных открытий... Но Петр принадлежит истории науки потому, что он положил прочное начало научной творческой работе нашего общества».

Он действовал здесь как организатор и инициатор научных изысканий, не только давая средства для работы, но и ставя для решения определенные задания. В то же самое время он создавал в нашей стране своей политической деятельностью орудия и возможность научного творчества».

Для развития науки в России важную роль сыграл не только Петр I (член Парижской академии наук с 1717 года), но и крупный церковный и политический деятель Феофан Прокопович. Но если о Петре Великом литература огромна, то Феофан остается фигурой как бы дальнего плана. А он во многом определил черты эпохи Просвещения в России.

Феофан создал первый в России кружок интеллектуалов – «Ученую дружину», – призванный продолжать дело просвещения в России, начатое Петром Великим. Сюда входили, в частности, Яков Брюс, Антиох Кантемир, Василий Татищев (с ними нам еще предстоит познакомиться).

При возведении на престол в Москве Анны Иоанновны у российского правящего класса был выбор между самодержавием и конституционной монархией. Обсуждались разные варианты. Князь Дмитрий Голицын предложил проект первой русской конституции: правит Верховный тайный совет из представителей высшей знати, где императрица имеет два голоса.

«Жалостное везде по городу видение стало и слышание, – писал Феофан, – куда не придешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышать, как только горестное нареkanie на осьмилетних оных затейщиков» (то есть на 8 членов Тайного совета). Ибо движет этими людьми «необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». Это грозит России раздором и бедствиями.

На торжественном собрании было оглашено письмо Анны об отказе от самодержавной власти. Казалось, дело Феофана проиграно. Он писал: «И сами те, кто вчера великой от сего собрания пользы надеялся, опустили уши, как бедные ослики».

И все-таки благодаря уму и активности Феофана в конце концов установилось самодержавие. Он выступал за просвещенную монархию, где правитель подобен отцу в семье. Хотя установилось деспотическое непросвещенное самодержавие при господстве иностранцев. Только позже, при Екатерине II, идея Феофана восторжествовала (народу русскому от этого легче не стало).

Какое все это имеет отношение к судьбе и творчеству Ломоносова? Самое непосредственное. Феофан стал его первым покровителем и был его философским предтечей. Об этом свидетельствует, в частности, сопоставление двух текстов.

Феофан Прокопович: «Материю нельзя ни создать, ни разрушить, ни увеличить, ни уменьшить, и какой и в каком количестве она создана, такую остается до сих пор и будет оставаться всегда».

Михаил Ломоносов: «Все перемены в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому».

У этих сходных высказываний есть и существенное различие. Первое – философское предположение, основанное на общих соображениях, отчасти даже религиозных. Второе – вывод, полученный в результате опытов, доказанный методом науки. Но в том-то и дело, что почти всегда философская мысль предваряет научные достижения.

Предтеча-философ

Идеи Просвещения пришли в Россию с Запада. Они затрагивали только малую часть российских дворян; для многих из них понятие Отечества было связано с империей, государственным устройством, но не с народом русским. Между образованным дворянством и народом по мере успехов просвещения все резче становился контраст в духовной сфере.

Большинство дворян не интересовалось науками, философией (хотя, конечно же, кое-кто читал труды французских и английских просветителей). По традиции познание тайн бытия было привилегией просвещенных священнослужителей, к числу которых относился Феофан Прокопович. Он, как позже Ломоносов, из социальных низов поднялся до интеллектуальных вершин своего времени.

Феофан – личность загадочная. Неизвестны дата его рождения (между 1677 и 1681 годами) и фамилия. Он нигде о них не упомянул. Предполагается, что его родители приехали в Киев из Смоленска; отец был мелким торговцем и умер вскоре после рождения сына. Но разве по этой причине человек станет скрывать отчество и фамилию? Возможно, он помнил побои пьяного родителя или то, что он забросил семью.

Ребенок жил в нужде. Матери лишился в семь лет. Умел выпросить или подзаработать грошик. Жил он на Подоле, где преобладали ремесленники, служивые, голытьба. Взял к себе сироту старший брат матери – Феофан Прокопович – монах Киево-Печерской лавры, преподаватель в духовной коллегии. Юный послушник не знал усталости ни в молитвах, ни в учебе. Дядя представил его митрополиту Варлааму, брал на ученые диспуты. Феофан (старший) через четыре года умер. Юношу приняли в Киево-Могилянскую духовную коллегию.

Основал ее митрополит Петр Могила, получивший образование в Париже, в Сорбонском университете. Он старался, чтобы православных церковнослужителей обучали не хуже, чем в иезуитских академиях. Нравы в коллегии были суровые: за плохое старание в науках страдала не столько голова, сколько противоположная часть тела, нещадно стегаемая розгами. За победу в умственном состязании полагалась награда. По примеру средневековой Западной Европы диспуты в коллегии проходили торжественно, как рыцарские турниры.

Племянник Феофана Прокоповича и после завершения учебы не мог считать себя знатоком наук. В Западной Европе изучали труды Ньютона и Лейбница. До Руси новые веяния доходили через монахов, обучавшихся у иезуитов. Приходилось притворно переходить в католичество, поступать в иезуитские академии, а вернувшись на родину и покаявшись, возвращаться в лоно Православной церкви.

Семнадцатилетний Прокопович прошел Польшу, Германию, Австрию, преодолел Альпы и добрался до Рима. Под именем Самуила Церейского в 1698 году поступил в римскую коллегию Святого Афанасия. Учился успешно, был допущен в секретные фонды Ватиканской библиотеки. Ему прочили блестящую карьеру. Через три года он тайно бежал из Рима. После скитаний по Западной Европе пришел в Россию и постригся в монахи.

Он преподавал поэтику, риторiku, философию и теологию в Киевской духовной академии. Если библейский текст противоречил выводам науки, отдавал предпочтение объективным знаниям: «Там, где уже приобретены знания, человеческая вера не имеет места». Ему покровительствовал Петр I. Феофан стал его советником и помощником в делах просвещения и подчинения Церкви государству.

Феофан организовал «Ученую дружину», где обсуждались вопросы культуры, экономики, общественной жизни; обосновывал установление в России просвещенного самодержавия при укреплении крепостного права и подавлении политических противников («Слово о власти и чести царской», «Правда воли монаршей»). Он отвергал предрассудки (даже относящиеся к мощам святых), говоря, что отсутствие «света учения» содействует «многим

смеха достойным суевериям». Люди, веря в чудеса, доверяют сказкам плутов и лжецов, не умея отличить правду от выдумки.

Законы природы и познания он считал непреложными: никакое чудо не может свершиться вопреки им. Признавал идею множественности обитаемых миров, а оппонентам-богословам ответил: кто отрицает такую возможность, тот сомневается во всемогуществе Божиим. По его словам: «В природе существует и живет Бог» (не пантеизм ли это?).

Противоречили легенде о Всемирном потопе взгляды Феофана на геологические процессы, отвечавшие передовым научным достижениям той эпохи: «С течением времени возникло множество новых гор, многие из них превратились в равнину. Это происходит обычно определенным способом, действием силы вод, которые вымывают внутренние соли и поднимают горы, а другие сносят, нажимая на них, а также действием силы ветров, движений земли и иных». И тут Прокопович выступил как прямой предшественник Ломоносова.

Резко критиковали демократы «Духовный регламент», составленный Феофаном. По словам протоиерея Георгия Флоровского, этот «регламент» лишил Церковь независимости, «ибо государство чувствует и считает себя абсолютным. Именно в этом и состоит замысел того „полицейского государства“, которое заводит и утверждает в России Петр».

Церкви определялась роль департамента по делам религии, подчиненного верховной власти. Ослабление влияния Церкви на жизнь общества вряд ли создавало «полицейское государство». И почему речь идет только о России? Будто в других странах власть не основывалась (да и ныне так) на подавлении внутренних врагов.

Нередко Церковь усугубляла репрессии, как это ярко – в свете костров инквизиции! – видно на примере Западной Европы. При всех жестокостях, а то и самодурстве некоторых установлений Петра I быстрый подъем русской науки, философии, культуры в целом доказал верность избранного Феофаном пути. Без этого не было бы на Руси такого великого явления, как творчество Ломоносова, да и общий ход развития науки был бы чрезвычайно замедлен.

Завершилось средневековое господство религиозной мысли. В обществе все более важную роль стали играть наука, техника, образование. Хотя философия оставалась в загоне: государство не было заинтересовано в «вольномудстве», которое, как представлялось власть имущим, содействует бунтовщикам.

Взгляды Феофана Прокоповича отличались свободомыслием. Каким он представлял себе Бога? «Есть некая невидимая всемогущая сила, ее же Богом называем». В других случаях Всевышний у него предстает как совершеннейший разум, вечная истина, первопричина бытия или даже как порядок природы, неотделимый от нее.

Порой Феофан определенно говорит: «Под природой понимают самого Бога». «Полное определение природы совпадает с Богом относительно природных вещей, в которых Он с необходимостью существует и которые Он движет». По-видимому, материальную природу философ понимал как тело (по примеру человеческого), а Бога – как душу этого тела, определяющую его энергию, жизнь...

Идея Бога у него толкуется в зависимости от контекста и авторской задачи. Одно бесспорно: он не считал разумным отказ от этой идеи. То, что к этому он пришел путем сомнений, говорит его «Рассуждение о безбожии», где обсуждаются шесть разновидностей атеизма, в том числе пантеизм Спинозы. Сам факт изложения атеистических учений подчеркивает свободомыслие Феофана, а их классификация свидетельствует о том, что подход к проблеме бытия или небытия Бога у него был философский.

Он полагал, что материя во Вселенной одинакова. Постоянно идет «взаимный переход подлунных тел», круговорот веществ. Считал смешной и абсурдной идею Платона о Вселенной как живом организме. В этом Феофан был материалистом. Ведь у Платона косный материальный мир одушевлен духом – Богом (Космос – мегачеловек). Но если Мироздание не обладает признаками жизни, то в нем не остается места для Вселенского Разума. Так Фео-

фан Прокопович сближался с атеистами, чем подтверждал справедливость тех, кто обвинял его в ереси.

Интересны догадки Прокоповича, относящиеся к делению корпускул, атомов. «Все... тела равно состоят из бесконечно делимых телец». Он переходит от физики к математике, демонстрируя парадокс бесконечно малых величин: если бы два ангела стали делить на бесконечно малые части один – земной шар, а другой – маковое зернышко, то второй не завершил бы свою работу раньше, чем первый.

Воззрения Феофана Прокоповича были созвучны переходному периоду в духовном развитии России: избавление от господства богословия. Происходило стремительное изменение структуры духовной культуры, где на равных присутствовали наука, религия, философия, открывая новые горизонты для интеллектуальных дерзаний.

Доминиканский монах Рибейра, встречавшийся с Феофаном, особо подчеркнул его роль как просветителя: «Науки в России вообще не процветают, впрочем, я знаю несколько человек отступников, воспитанных для России католическими школами. Между ними первое место занимает Феофан... Он первенствующий член Синода, при дворе имеет едва ли не решающее влияние... он искусный церковный администратор, хотя я заметил, что духовенство его скорее боится, чем любит. Он устроил в своем доме замечательную школу для юношества. В храме он важен, в алтаре внушает к себе почтение, в проповеди красноречив, в беседе о божественных и мирских предметах учен и изящен; он одинаково хорошо владеет греческим, латинским и славянским языками; в домашней жизни он великолепен... Если его следует порицать за что-либо, так это за его религиозные убеждения, если он их вообще имеет. Его библиотека, открытая для ученых, значительно превосходит императорскую библиотеку Троицкого монастыря; по своему богатству она не имеет равных в России, стране бедной книгами».

Взгляды Феофана на природу, познание, бытие Бога были созвучны философским убеждениям Михаила Ломоносова. Подобны они в то же время взглядам Джордано Бруно (черты пантеизма и деизма, идея множества обитаемых миров, круговоротов материи и т. д.); даже оба они в молодости написали комедии, высмеивающие суеверов и нечестивых церковников. Избежать трагической судьбы Прокоповичу удалось благодаря умению приспособиться к изменчивой политической ситуации.

Ему довелось однажды встретиться с молодым Ломоносовым в роковой для того поворот в судьбе. Феофан спас этого ученика Спасских школ от репрессий, открыв ему путь в науку (об этом – позже). У них было немало общего в главном – отношении к познанию Мира и человека.

Одно замечание Феофана имеет прямое отношение к спорам о наиболее рациональном правлении в России. По его убеждению: «Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владением храним быть может». Подобное мнение можно услышать и от некоторых более или менее авторитетных историков, социологов, публицистов. Ссылаются на успехи нашей страны при царской власти, в эпоху правления Сталина и ее бесславное расчленение и упадок при «демократах».

На первый взгляд исторический опыт подтверждает мысль Феофана. Но следует иметь в виду, при каких обстоятельствах, в какую эпоху и с какой целью он это написал. Он опасался, что среди олигархов Верховного тайного совета рано или поздно начнутся распри, что грозит сильным ослаблением государственной власти, а то и распадом державы на отдельные вотчины.

В русском народе, состоявшем почти исключительно из крестьян, имевших в лучшем случае начальное образование, авторитет царя как самодержца милостью Божьей поддерживала Православная церковь. Такова была традиция Средневековья, а вовсе не природная осо-

бенность русских. Ограничение этой власти могло вызвать народные волнения. Возможно, и это имел в виду Феофан.

Смена формы правления – революционное деяние, чреватое обострением социальных противоречий, активной борьбой за власть разных групп и партий, междоусобицей. Это можно было видеть на примере английской революции. Но там ограничение королевской власти было оправдано появлением и укреплением нового третьего класса – торговцев, промышленников, банкиров (буржуазии). В Российской империи этот социальный слой был слаб. В стране вместо одного верховного правителя появилось бы несколько – только и всего. Стоит ли ради этого расшатывать вековые устои общества?

Суждение Феофана следует рассматривать в контексте данной эпохи с ее социально-экономическими и духовными особенностями. Ссылка на особенности национального характера неубедительна. Возможно, Феофан просто высказался в духе своего времени, чтобы быть понятым. Другое дело – географические особенности Российской империи. Огромная территория, в основном слабо освоенная, с местными особенностями природы и населения, местными владыками, множеством крупных и мелких хозяйств...

Чтобы весь этот пестрый и рыхлый конгломерат не распался на части, требуется единая воля самодержца. В особенности когда есть угроза со стороны соседних государств.

Вот и Ломоносов в своих одах прославлял – не по заказу, а по убеждению – великих русских самодержцев: Иоанна IV, Петра I, Екатерину II. Он прекрасно сознавал, как опасен для России разброд и раздор, местничество олигархов.

Детство помора

Общая обстановка в Европе и России времен Ломоносова безусловно сказалась на его судьбе. Но все-таки основы его ума и характера сформировались, как у любого из нас, в детстве.

Куростров, где находились владения его отца, автор конца XIX века А.И. Львович-Кострица описывал так: «Неприглядную и суровую картину представляет собою родина нашего великого ученого и поэта Михаила Васильевича Ломоносова...

Куростров не представляет собою ничего заманчивого для всякого поверхностного наблюдателя. Это довольно большой, но низменный остров, и в половодье он едва не затопляется разливом Двины; всюду разбросаны низенькие болотистые кочки и невысокие холмы, сверху донизу затянутые мхом; между ними лежат, словно погруженные в вечную дремоту, непросыхающие болотины с грязной водой; ни леса, ни рощи не видно на всем протяжении острова, только кое-где торчит жалкая, искривленная, точно больная береза, да по береговой окраине растет непрерывный и чахлый ивняк, в какой-то грусти склонившийся над плавно движущимися водами реки».

Унылая картина! Немудрено, что еще отроком Михаил Ломоносов должен был только и мечтать, как бы поскорей вырваться отсюда...

Однако нигде в его трудах и письмах нет сетований на убогость родных мест. Упоминает необразованность отца и злость мачехи, вот и все. По всей вероятности, в его время Куростров был иным. Первое упоминание о нем содержится в грамоте 1397 года. Тогда его почти сплошь покрывали леса. Его освоение сопровождалось вырубкой лесов и осушением болот.

Более точную характеристику дал Г.П. Шторм: «Северная Двина была в то время глубокой и многоводной. По высоким ее берегам стояли нетронутые хвойные чащи, а низины кипели от буйного чернолесья. В том краю тогда еще не знали сыпучих песков, и морские суда свободно проходили по рукавам Двины до селения Вавчуги».

Есть и объяснение произошедшим изменениям. Во второй половине XIX века выдающимися естествоиспытателями В.В. Докучаевым и А.И. Воейковым было доказано, что обмеление многих российских рек, так же как сильные наводнения, вызваны вырубкой лесов в речных долинах.

При Ломоносове природа Курострова еще не оскудела. Местные жители были скотоводами, земледельцами, ремесленниками, рыбаками. В Архангельск прибывали торговые суда из Англии, Голландии; поморы общались с представителями разных племен и народов, посещая дальние края не только по Белому, но и по Студеному морю и на запад, и на восток; кругозор у них был обширный.

...Итак, 8 ноября (по старому стилю) 1711 года Елена Ивановна Ломоносова (урожденная Сивкова), жена холмогорского крестьянина Василия Дорофеевича, родила сына. Назвали его Михайлой.

Василий Дорофеевич, хотя грамотой не овладел, умом и смекалкой не был обделен. Сына он учил не книжным премудростям, а знаниям и навыкам, без которых не станешь настоящим помором.

Сведения о детстве Михайлы Ломоносова скудны. Автобиографию он не писал. Вспоминал о своих детских годах по случаю, скажем в письмах И.И. Шувалову.

По его словам, имел он «отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного». Это соответствует истине, если иметь в виду книжную ученость. Василию Дорофеевичу она была бесполезна. Скорее всего он был знаком с азами арифметики и грамотности. При его образе жизни и работе большего не требовалось. Его жена

Елена Ивановна, дочь дьякона села Николаевские Матигоры, умела читать и писать. Она стала первой учительницей Михайлы (правда, об этом он не обмолвился).

Судя по всему, отец хотел, чтобы сын стал человеком образованным. Однако ему прежде всего требовался помощник по хозяйству и наследник – умелый хозяин. Не имея других детей, Василий Дорофеевич приобщал к своим делам сына.

В академической биографии М.В. Ломоносова сказано: его отец первым из местных жителей построил и по-европейски оснастил двухмачтовое судно грузоподъемностью более 5000 тысяч пудов, на котором ходил по Двине, Белому морю и по Северному океану. Кроме рыбного промысла, он по найму перевозил грузы казенные и частные в Пустозерск, Соловецкий монастырь, по берегам Лапландии, на реку Мезень.

Вряд ли такой человек был воспитан в «крайнем невежестве». Свое состояние нажил он нелегким трудом, выйдя из-под опеки дяди Луки только после тридцатилетнего возраста. Тогда и женился. У него был немалый земельный надел, но главный доход имел от рыболовства и перевозки товаров.

Мать умерла, когда Михайле было 9 лет. С этих пор его учителями стали дьячок приходской церкви Семен Сабельников и сосед Иван Шубной. Кстати сказать, сын его, Федот Шубин (1740–1805), в детстве был резчиком по моржовой кости и перламутру, стал известным скульптором; он состоял при Академии художеств и создал ряд выразительных портретов, в том числе М.В. Ломоносова.

Талантами поморы не были обделены. Их край, хотя и отдаленный от столицы и Москвы, постоянно вел с ними торговлю, поставляя, в частности, соль летом и рыбу зимой, а изделия ремесленников круглый год.

Михайло Ломоносов с детства был рослым и сильным. Когда ему исполнилось десять лет, отец стал брать его как помощника на рыбный промысел и на соляные варницы. Именно тогда юный помор впервые стал «вопрошать природу», пытаясь понять многое из того, что видел. Он был любознательным. Об этом свидетельствуют заметки в его научных работах.

Знакомясь с соляными промыслами Германии, он отметил: «Уже прежде того на поморских солеварнях бывал многократно для покупки соли к отцовским промыслам и имел уже довольное понятие о выварке». Значит, он не просто помогал переносить и укладывать кули с солью на судно, но интересовался, откуда она берется, как добывается. А это порождает мысль о химических превращениях веществ.

Удивление и восхищение зрелищем полярных сияний подвигло его позднее на изучение этого явления природы и позволило сделать замечательное открытие (об этом речь впереди).

В 12 лет Михайло бегло читал. Ему нередко доверяли чтение в приходской церкви. Как писал в его биографии академик И.И. Лепехин (1740–1802), Михаил «нередко биват был не от тех сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим произносить читаемое расстановочно, внятно, а притом с особой приятностью и ломкостью голоса».

Иначе говоря, он не складывал слова по слогам, не бубнил монотонно и без понятия о смысле, а читал выразительно и вдумчиво. Если его порой поколачивали старшие ребята, то и сдачи могли получить с лихвой: Ломоносов отличался стойкостью и силой. А еще и умом.

Одна из немногих дошедших до нас записей юного Ломоносова относится к 1726 году: «Вместо подрядчиков Алексея Аверкиева сына Старопоповых да Григория Иванова сына Руковникова по их велению Михайло Ломоносов руку приложил». Написано пятнадцатилетним помором без ошибок. В те времена, да и позже, на это были способны немногие из дворянских сынов.

Например, будущий крупный русский историк, писатель, знатный дворянин Николай Карамзин (1766–1826) в детстве писал с грубыми ошибками. Он признавался, что в родовом

имении «рос в весели невинном», мачеха его не обижала, а дворовые слуги баловали. Позже он полюбил чтение, переживал приключения героев романов. Учение он воспринимал как скучную обязанность.

Иначе было у Михайлы Ломоносова. Он приобщался к грамоте вопреки обстоятельствам. Когда умерла мать, отец вновь женился, но и вторая жена вскоре скончалась. Василию Дорофеевичу требовалась хозяйка, и он женился в третий раз.

По словам его сына, имел он «злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно и принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных пустых местах».

Возможно, и его отец считал книжные премудрости излишними для сына, которому предстоит не в церкви служить и не торговать, а вести хозяйство, ходить в море на рыбный промысел, доставлять грузы. Для этого вполне достаточно уметь читать и писать.

«Судьба наградила Василия Дорофеевича гениальным сыном», – пишет Евгений Лебедев. Словно Михаил от рождения был наделен каким-то особым даром, который христиане называли искрой Божьей, а древние римляне – врожденным гением. Но как проявились в детстве его необычайные способности? Научиться писать и выразительно читать в 15 лет может почти каждый ребенок.

Известно, что в средневековом Великом Новгороде значительная часть горожан была грамотной. В этом отношении Русский Север ни в чем не уступал странам Западной Европы. Хотя умение читать и писать еще ни о чем важном не свидетельствует. Вопрос в том, для чего оно приобретает.

Многие новгородские берестяные грамоты не имели серьезного содержания. Например, Яков просит кума Максима купить овса у Андрея. И добавляет: «Да пришли ми чтения доброго». Значит, у Максима есть интересные книги, а Яков любит почитать на досуге. Но зачем послана записка? Ведь эти люди были почти соседями. Судя по всему, новгородцам нравилось писать и читать записки. Это было для них чем-то вроде полезных и приятных упражнений.

Жители этого богатого торгового центра были деловыми людьми. Они не сочиняли художественных произведений или философских трудов. Хотя дьякон Антонова монастыря Кирик (XII век) написал богословское «Вопрошение Кириково, иже вопроси епископа Нифонта и иных», а также трактат «Учение им же ведати человеку числа все лет» – популярное изложение основ арифметики, астрономии, хронологии. Он, в частности, упомянул, что ему 26 лет, и подсчитал, сколько выходит недель, дней и даже часов.

Для торговых людей умение читать, писать и считать – насущная необходимость. Вот и во времена Ломоносова в Архангельске, в Холмогорах, было немало грамотных людей. Почему же Василий Дорофеевич не поощрял стремление сына к чтению и в этом отношении был на стороне мачехи?

Конечно, причина не в крайнем невежестве. Его могли только радовать успехи сына в церковных чтениях. Но книги... Это уж слишком. Парень рослый, крепкий, умелый, волевой – настоящий хозяин. Осталось только подобрать ему достойную невесту!

...В телевизионном сериале «Михаил Ломоносов» отношения отрока и мачехи показаны в модном духе сексуального конфликта, словно она возжелала пасынка. Ничего подобного быть не могло. Нравы у поморов были строгие, а тяжелый труд, в том числе ведение домашнего хозяйства, не располагает к половым играм. Мачеха была немолода, и ее наверняка возмущало зрелище пасынка, сидящего за книгой вместо того, чтобы помогать ей или отцу.

Так в чем же секрет ломоносовского гения?

Была врожденная детская любознательность. Но это качество есть у каждого малыша, даже у детенышей высших животных. С годами оно обычно угасает, когда приобретены знания, необходимые для существования в данной среде.

Михаил Ломоносов сумел сохранить острую любознательность на всю жизнь. Как это ему удалось, остается только предполагать. Возможно, сказалось раннее детство, когда мать учила его азбуке и говорила о святости Слова.

Он тянулся к учению, как росток, пробившийся из почвы, тянется к солнцу. Учение было для него радостью познания. Он словно ощутил в себе высокое призвание, как бы провидя свое будущее.

Да, таковы все дети. Но слишком многим из них не хватает силы воли, упорства, чтобы преодолевать мощную силу тяготения земных забот.

Жажда познания

Большинство людей издавна и поныне воспринимают окружающий мир как нечто само собой разумеющееся. Редко кто, глядя на небо, задумывается, почему летом и зимой облака обычно кучевые, а поздней осенью лежат сплошным покровом.

А откуда берется вода в реке, когда долго нет дождей? Почему на море среди ледяных полей встречаются айсберги?

Каким чудом вода из-под земли по корням, стволу и ветвям, преодолевая земное тяготение, поднимается до вершин деревьев?

Детский вопрос: как те, кто на земном шаре под нами, ходят вниз головами? Или вовсе не детская загадка: почему Земля круглая, а блоха высоко прыгает?

Желаешь получить умный ответ – задай умный вопрос. Такова простая истина. Но только понять ответ природы даже на умный вопрос не так-то просто. Многих удовлетворяет объяснение авторитетного лица или из учебника.

Во времена Ломоносова, когда естествознание находилось в стадии становления, было принято искать ответы на тайны бытия природы и людей в Библии, житиях святых. А опыт поколений отражали народные поверья и приметы.

На российском Севере в нравах сохранялось значительное влияние старообрядцев, отвергавших церковную реформу патриарха Никона. Их притесняли, заставляли отречься от старой веры. Некоторые старообрядцы избирали самоожжение, лишь бы не признавать нового религиозного устава.

Для Петра I главными задачами были укрепление государственной власти, обновление России на западный манер, развитие науки, техники, промышленности. Не видя в старообрядцах своих противников, он относился к ним без предрассудков. Они были хорошими работниками, честными купцами, активно участвовали в освоении северных земель. Им разрешили совершать службу по старинке, освободили от двойной подушной подати.

В отрочестве Михайло Ломоносов некоторое время пребывал в секте беспоповцев. Как писал академик Иван Лепехин, «младый его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины; держался онога два года, но скоро познал, что заблуждает».

Михайло знал и о том, что иноземцы на свой лад толкуют учение Иисуса Христа и по своему совершают церковные обряды. Выходит, одни и те же тексты Библии можно понимать по-разному. Кто же прав? Или все ошибаются? Как тут разобраться? Никто ничего толком не объясняет, а только стоит на своем «краеугольном камне» веры...

Так Михайло Ломоносов впервые не столько осознал, сколько ощутил существование двух священных творений. Одно – созданные людьми Ветхий и Новый Завет. Другое – нерукотворное создание Божественного Разума – удивительное, великолепное и величественное Мироздание.

Большое впечатление произвела на него «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого. Она служила учебным пособием, приобщая читателя не только к религиозному мировоззрению, но и к стихотворной форме. Две строки из вступления словно напутствовали Ломоносова:

Но буди правый писаний читатель,
Не слов ловитель, но ума искатель.

Неуемную любознательность юного помора не могли удовлетворить ни толкователи Библии, ни объяснения людей, знающих иные верные приметы, но недоумевающих: почему вода в море соленая или откуда у солнца столько жара.

Однажды в доме односельчанина Христофора Дудина увидел Михайло две книги: «Арифметику» Магницкого и «Грамматику» Смотрицкого. Позже он называл их вратами своей учености.

Содержание первой из этих книг выходило за рамки основ арифметики. Ее автор, Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739), окончил московскую Славяно-греко-латинскую академию, самостоятельно изучил немецкий, итальянский и голландский языки, увлекся математикой и астрономией. Его «Арифметика» стала своеобразной энциклопедией основ математики, астрономии, навигации. Автор порой писал стихами, особо отметив:

Зане разум весь собрал и чин
Природный русский, а не немчин.

Книга была оформлена по старинке, с виньетками. Магницкий упомянул о своей национальности, показывая, что разнообразными знаниями владеют не только иноземцы. Тем не менее он первым стал в этом учебнике употреблять арабские цифры (до него числа обозначались славянскими буквами).

Курс «Арифметики» открыл Михайле совершенно новый, порой умом непостижимый клад знаний. В подобных случаях большинство читателей с раздражением или утомлением откладывают книгу и больше к ней не возвращаются, если в этом нет насущной необходимости. А Михайло вновь и вновь вдумывался в содержание книги.

На него сильное впечатление произвели стихотворные строки, включенные в учебник. Прежде он был знаком с псалмами, былинами, песнями. И вдруг оказалось, что научные знания можно излагать складно, красочно. Пройдут годы и Ломоносов станет русским поэтом-философом.

«Грамматика» Мелетия Герасимовича Смотрицкого (1578–1633) в 1648 и 1721 годах была переиздана в Москве с некоторыми исправлениями и дополнениями, без указания автора (возможно, потому, что он в конце жизни выступил на стороне унии, объединения Православной и Католической церквей). В ней грамматика церковно-славянского языка дополнялась русскими разговорными формами, а также излагались основы стихосложения.

Христофор Дудин приобрел учебники для своих трех сыновей. Если бы они отнеслись к учебе серьезно, стремясь расширить свой умственный кругозор, вряд ли эти две ценные и непростые для чтения книги достались Ломоносову. После долгих уговоров он сумел их выпросить. Старик Дудин понял, что они нужны больше Михайле, чем его сыновьям. И оказался прав.

А что было бы, окажись братья Дудины охочи к чтению, учению, познанию? Для этого у них было больше возможностей, чем у Ломоносова. Если бы они всерьез заинтересовались «Арифметикой» и «Грамматикой», то не расстались бы с ними. И тогда кто-нибудь из них мог бы в принципе стать российским академиком, крупным ученым или поэтом.

Получив две заветные книги, внимательно их читая и стараясь постичь трудные места, Михайло Ломоносов убеждался, как много непонятого, загадочного содержится в них. А есть ведь и другие книги, из которых можно узнать значительно больше. Но для этого необходимо учиться. Где? Говорят, учат книжным премудростям в Москве, Киеве.

В феодальном обществе сословия резко разделены. Начальные, простейшие знания доступны каждому – была бы охота и возможность. А дальше учиться могут только дети дворян и священников.

Петр Великий порой пренебрегал этими правилами и мог произвести человека, как говорили про Александра Меншикова, сына конюха, из грязи в князи. Но какими бы ни были исключения, общее правило соблюдалось достаточно строго. Об этом Михайло Ломоносов, конечно, знал. И все-таки решил пойти наперекор правилу, надеясь более всего на счастье.

Историк С.Н. Шубинский писал: «Об общем образовании тогда еще не имели понятия; юношество воспитывалось специально для разных родов службы, а кто не служил, тот поступал в податное сословие. Школ для крестьян почти не существовало; крестьянам обычно не дозволялось поступать в те школы, которые назначались для других сословий.

Со времен Петра сословия резко разделились... Так, например, дети служащих при медицинской канцелярии обязаны были идти в медицинскую школу и уже непременно готовиться во врачи, в аптекари и прочие. Солдатские и офицерские дети шли в гарнизонные школы... Так дробились и замыкались сословия с их занятиями; доходило, например, до того, что солдаты, работавшие при Ладожском канале, и детей своих готовили к той же службе. Дети причетников готовились в причетники в архиерейских школах, дети священников – в священники в семинариях...

Все образование было подчинено требованиям службы, и каждый приготавливался к занятиям своего отца».

Надо было иметь колоссальную силу воли и непреклонное желание получить образование, чтобы решиться преодолеть подобные преграды. Велика ли надежда на успех? Ничтожна. Чужой огромный город за тысячи верст от родного села, незнакомые люди...

Друг Ломоносова художник академик Якоб Штелин (1709–1785) так описал его уход из дома: «Из селения его отправлялся в Москву караван с мерзлой рыбою. Всячески скрывая свое намерение, поутру осмотрел, как будто из одного любопытства, на выезд сего каравана. Следующею ночью, когда все в доме отца его спали, надев две рубашки и нагольный тулуп, погнался за оным вслед (не позабыл взять с собою любезных своих книг, составлявших тогда всю его библиотеку: грамматику и арифметику). В третий день настиг его в семидесяти уже верстах. Караванный приказчик не хотел прежде взять его с собою, но, убежден быв просьбою и слезами, чтоб дал посмотреть ему Москвы, наконец, согласился. Через три недели прибыли в столичный сей город».

Было тогда Михайле 19 лет. Некоторые сведения о Москве он узнал от своих соседей, не раз бывавших там по торговым делам. Как человек податного сословия, обзавелся «пропускным письмом» – подобием паспорта. Там указывалось: «1730 года декабря 7-го дня отпущен Михайло Васильев сын Ломоносов в Москву и к морю до сентября месяца пребывающего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался».

От Фомы Шубного получил он кафтан и займы три рубля.

Судя по всему, отец знал о намерении сына, уговаривал его остаться, а на худой конец полагал, что отлучка будет недолгой: помыкается блудный сын в чужом городе, хлебнет горя, да и вернется в отчий дом.

Почти месяц шел Михайло с обозом до Москвы, куда прибыл в начале января 1731 года. Караванный приказчик представил его своему знакомому подьячему Сысского приказа Ивану Дутикову, который приютил юношу на некоторое время у себя.

Михайло хотел поступить в единственное высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинскую академию (Спасские школы) при Заиконоспасском монастыре. Но туда не принимали лиц податного сословия. Пришлось солгать: назваться дворянским сыном из города Холмогоры, а бумаги, это подтверждающие, мол, потерял в дороге.

Почему ему поверили? По-видимому, его знания произвели большое впечатление на архимандрита, беседовавшего с ним. Ломоносова приняли в Спасские школы, расположенные на Никольской улице за Иконным рядом в большом каменном доме. Над воротами, ведущими в этот «храм знаний», была нарисована горящая свеча.

В первых четырех классах Академии преподавали старославянский и латинский языки, катехизис, географию, историю, арифметику. Два следующих курса были посвящены стихосложению и красноречию, а следующие два – богословию и философии. Окончившие

все восемь классов (на это некоторым требовалось более десяти лет), имея высшее образование, могли стать священниками, учителями, чиновниками.

Двадцать лет спустя Ломоносов в письме графу Шувалову вспоминал:

«Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающая от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец никогда детей кроме меня не имел, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как за денежку хлеба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны пишу, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники малые ребята кричат и перстами указывают: смотри-де какой болван лет в двадцать пришел латине учиться!»

Вообще-то на квасе и воде долго бы он не протянул. Физически крепкий, грамотный Михайло имел возможность «подрабатывать» себе на жизнь: разгружать и колоть дрова, писать письма и прошения. По сведениям, приведенным И.И. Лепехиным, он получал деньги и от отца, который, по-видимому, надеялся, что сын вернется в отчий дом.

В ту пору Ломоносов написал свое первое стихотворение по случаю наказания за какой-то школьный проступок (чем он провинился, неизвестно; судя по всему, поддался каким-то мирским соблазнам):

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда стали ясти,
Попались в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах – плачут убоги, —
Меду полизали,
А сами пропали.

Преподаватель по достоинству оценил содержание и легкость слога сочинения: «Превосходно». Михайло Ломоносов смог преодолеть «почти непреодолимую силу» обстоятельств. За первый год он прошел первые три (из восьми) класса и мог уже писать стихи на латинском языке. За три года окончил он шесть классов и по собственной инициативе изучил греческий язык.

Трудно оспорить мнение А.И. Львовича-Кострицы: «Если бы нашим юношей руководили соображения о будущем, *мечты о карьере* ученого, то, наверное, из этих туманных мыслей и эгоистических соображений ничего бы не вышло. В том-то и вся суть, что Ломоносовым руководила живая и напряженная страсть – жажда научного знания. Эта беззаветная любовь к науке, наполнявшая пылкую душу здорового парня, подчинила себе все его существо. Для юноши знание само по себе являлось единственной целью, оно порождало все его стремления и давало им высшее и законченное удовлетворение».

Для России того времени о карьере ученого речи быть не могло уже потому, что такая профессия оформилась много позже. Была теоретическая возможность войти в Петербургскую Академию наук, открытую в конце 1825 года. Мог ли на это рассчитывать учащийся

Славяно-греко-латинской академии, почти незнакомый с естественными науками? Вероятность такого события была ничтожно мала.

При значительных успехах в учебе можно было надеяться на то, что удастся продолжить образование, изучая науки естественные. Хотя крестьянскому сыну, не имеющему вельможных покровителей, приходилось полагаться только на себя и счастливый случай. Прежде всего надо было преуспеть в изучении предметов, которые преподавались в Спасских школах. И Ломоносов постоянно был одним из лучших учеников.

На четвертом году учения попал он в скверную историю, да еще по собственному почину.

Готовилась экспедиция под руководством статского советника картографа Ивана Кирилова в земли башкир, на реку Орь, для изучения тех мест и основания крепости (Оренбурга). Чтобы обращать иноверцев в православие, требовался ученый поп. Но желающего отправиться в трудную и опасную экспедицию найти оказалось трудно. И вдруг объявился доброволец: ученик риторики Ломоносов.

Иван Кирилов встретился и побеседовал с ним и, как записал ректор Академии, «тем школьником по произведению его в священство будет он доволен». Осталось только рукоположить его в сан священника и отправить в экспедицию.

Сохранилась запись 4 сентября 1734 года в «Ставленническом столе Московской Славяно-греко-латинской академии», где сказано, что «в допросе он сказал: отец у него города Холмогорах церкви Введения пресвятыя Богородицы поп Василей Дорофеев». При таком отце путь в попы открыт. Вот только замерло сердце у Михайлы, когда прочел в конце показаний: «А буде он в сем допросе сказал что ложно, и за то священного чина будет лишен, и пострижен и сослан в жестокое подначальство в дальний монастырь».

Поставил свою подпись под документом Ломоносов, надеясь на русский авось. Не тут-то было! В канцелярии сличили это показание с прежним, где он представился дворянским сыном, и написали запрос в Холмогоры: есть ли там «поп Василий Дорофеев и при нем, попе, сын его Михайло... и коликих он, Михайло, лет?».

Прежде чем отправить запрос в Холмогоры, ознакомили с ним Ломоносова. И он признался в обмане. Осталось только решить, какое наказание ему назначить.

Тогда-то и встретился Ломоносов с Феофаном Прокоповичем. В Академии вряд ли желали расставаться с лучшим учеником. Но как можно терпеть того, кто дважды солгал святым отцам? По-видимому, обратились за советом к Феофану, и он решил сам поговорить со строптивым юношей, учинив ему суровый экзамен. А в завершение произнес:

– Пускай о тебе теперь звонят хоть в самый большой колокол. Ничего не бойся. Отныне я твоя защита!

Возможно, участие Феофана в судьбе Ломоносова стало тем самым счастливым случаем, без которого русская культура не получила бы мощного импульса к дальнейшему развитию, который был дан нашим великим ученым, поэтом, просветителем. У этих двух людей было незримое и, возможно, не сознаваемое ими духовное единство.

«Феофан не хотел оставлять талантливого парня в нелюбимой им Московской Академии, – пишет историк Виктор Смирнов. – По его ходатайству Ломоносов был принят в гимназию при Петербургской Академии наук. Видимо, по совету Феофана Ломоносов посетил его „альма-матер“ – Киево-Могилянскую академию, где присутствовал на знаменитых богословских диспутах».

Прокоповичу тогда оставалось жить всего лишь год. Его заступничество за Ломоносова, которому грозила ссылка в дальний монастырь, его одобрение и поддержка были поистине судьбоносны для нашего великого соотечественника.

Глава 2. Приключения русского за границей

Образование – то, что мудрому открывает, а от глупого скрывает недостаточность его знаний.

Амброз Бирс

Росток, тянущийся к солнцу, всегда находит дорогу между камней. Чистейший логик, если никакое солнце не притягивает его, запутывается в сумбуре проблем.

Антуан де Сент-Экзюпери

Между Византией и Европой

Пересказ биографии Ломоносова – занятие полезное, но весьма тривиальное. Основные этапы его жизненного пути нам знакомы со школьной поры. Но как сформировался его внутренний мир, почему он совершал те или иные поступки, чем объяснить его дарования и творческие достижения?

Чтобы разобраться в этом, надо вспомнить ситуацию в Европе и России до Ломоносова и в его время. Только так можно осмыслить то, что он привнес в русскую культуру. Мы должны воспринимать его в контексте истории нашего Отечества, а не как одинокий и величественный монумент.

Другой вопрос: зачем нам это надо? Только для того, чтобы потешить свою национальную гордость? Вот, мол, какие у нас, русских, титаны мысли и духа существовали! И тогда встречный вопрос: а сами-то вы кто? Что вы сделали во славу России, русской культуры?

Когда теперь глаголят о модернизации, рассуждают о будущем России, в поисках выхода из нынешней вязкой трясины на твердый путь устойчивого развития, полезно обратиться за советом к Михаилу Васильевичу

В конце XX века Россия отказалась от самобытной исторической миссии, соблазнившись материальными благами западной цивилизации. Однако «воссоединение» с этими странами не получилось: они предпочли превратить Россию в поставщика ресурсов, в объект эксплуатации, выставляя ее как империю зла и требуя от русского народа покаяния за какие-то мнимые преступления. А ведь именно страны Западной Европы, Япония и США во все века отличались страшной жестокостью, уничтожали племена и народы, развязывая самые кровопролитные войны, строили свое благополучие за счет порабощения и эксплуатации колоний.

Потерпев поражение в идеологической войне, поддавшись «скромному обаянию буржуазии», русский народ стал вымирать и деградировать. Правда, началось возрождение Православной церкви (а также ислама). Но и тут не обошлось без серьезных издержек. Религиозная вера, которая поверяется делами, воплощаясь в поступках, стала нередко подменяться суеверием, религиозными предрассудками, а то и мракобесием. Появилось множество колдунов, шаманов и астрологов, распространился оккультизм.

В эпоху небывалого прогресса техники, торжества материальной культуры, в общественном сознании произошел возврат к суевериям глухого Средневековья. А потому, говоря о явлении Ломоносова, надо иметь в виду, что три столетия назад, напротив, шло преодоление невежества с использованием интеллектуальных достижений наиболее развитых стран Европы.

«Вместе с великими благами, какие принесло нам византийское влияние, – писал В.О. Ключевский, – мы вынесли из него и один большой недостаток. Источником этого недостатка было одно – излишество самого влияния. Целые века греческие, а за ними и русские пастыри и книги приучали нас веровать, во все веровать и всему веровать».

В Средние века это влияние было благотворным. Византия сохраняла философские основы Античности; высоко ценились труды Аристотеля. По-видимому, это имел в виду Ключевский, когда продолжал: «Это было очень хорошо, потому что в том возрасте, какой мы переживали в те века, вера – единственная сила, которая могла создать сносное нравственное общежитие. Но нехорошо было то, что при этом нам запрещали размышлять, – и это было нехорошо больше всего потому, что мы тогда и без того не имели охоты к этому занятию».

Тут можно и возразить. Дело не в отсутствии на Руси желающих философствовать. В любом обществе всегда есть люди, склонные к размышлениям, познанию тайн бытия. Вопрос лишь в том, какие поставлены границы такому познанию. Отличие Средневековья как своеобразного этапа развития общества: основой духовной культуры признается религия; философия, научные знания, искусство – лишь ее более или менее послушные служанки.

Только с изменением общественной структуры, с победой буржуазных революций и развитием индустрии начался быстрый прогресс науки, философии, которые вышли из-под строгой опеки религии. В России этот процесс затянулся отчасти по причинам географическим: не было свободного выхода в теплые моря и океаны, что не позволяло осваивать дальние страны, затрудняло развитие судоходства, торговли...

«Нам твердили: веруй, но не умствуй, – писал Ключевский. – Мы стали бояться мысли, как греха, пытливого разума, как соблазнителя... Поэтому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы ее принимали на веру. Вышло, что научные истины мы превратили в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем научных суеверий и предрассудков». Как он отметил, «под византийским влиянием мы были холопы чужой веры, под западноевропейским стали холопами чужой мысли».

При Ломоносове в обществе сказывалось и византийское, и европейское влияние. И то и другое ему приходилось преодолевать с немалыми трудностями, а то и опасностями. Но если религиозные тексты и основы Православия были ему знакомы, то научные знания на современном уровне приходилось осваивать за рубежом. В России такого рода высших учебных заведений не было.

Тем не менее и до Петра Великого российское общество не пребывало «во тьме невежества». Технические новинки поступали с Запада (в детстве у Петра Алексеевича было немало механических игрушек). В стране активно развивались ремесла. В 1719 году механик Андрей Нартов писал из Лондона государю: «Здесь таких токарных мастеров, которые превзошли российских мастеров, не нашел».

Однако дворяне и священники в массе своей не интересовались естественными науками. Такие занятия считались блажью, или даже материализмом. А философия на Руси издавна была религиозной.

Как писал историк науки Б.Е. Райков, «Русь даже в XVII в. питалась в области мирозведения материалом средневековья, давно пережитым Западной Европой. Мы получали из вторых рук устарелые взгляды и теории, которые культивировались на русской почве как нечто новое».

Один из наиболее образованных русских людей того времени, В.Н. Татищев, в разговоре с Петром I усомнился в том, что на Русской земле вскоре удастся вырастить научные кадры. Но царь более зорко предвидел будущее.

Первое изложение системы Коперника появилось в русском печатном издании 1707 года: большая гравюра с изображением 1032 звезд. По углам были показаны четыре системы мира и их творцы: «Птоломей», «Тихобрахи» (Тихо Браге), «Дескарт» (Декарт), «Коперник». О них было сказано стихами. Например:

Коперник общую систему являет,
Солнце в середине вся мира утверждает,
Мнит движимой земле на четвертом небе быть,
А луне окрест ея движение творить...

Листок предназначался для широкой публики. Издание осуществлено «под надзором» Я.В. Брюса и «тщанием» Василия Киприянова.

Через 10 лет вышла на русском языке «Книга мирозрения, или Мнение о небесных глобусах и их украшениях» нидерландского ученого Христиана Гюйгенса. В ней говорилось, в частности, о множестве обитаемых миров. Невелико было отставание от издания оригинала: 19 лет. Правда, первое издание книги Гюйгенса скупили и уничтожили сторонники религиозной картины мира; сохранилось только второе издание 1724 года.

Изданию работы Гюйгенса содействовал Яков Вилимович Брюс (1670–1735) – русский ученый и государственный деятель. Родился он в Москве, куда в 1647 году переселился из Шотландии его дед. Во время Северной войны Яков командовал русской артиллерией, заслужив звание генерал-фельдмаршала и графское достоинство. Выйдя в отставку, уединился в своем поместье под Москвой; периодически вел астрономические наблюдения с Сухаревой башни, где располагалась обсерватория московских адмиралтейских школ.

Он составил карту земель от Москвы до Малой Азии. Научных открытий не сделал, однако велика его роль как «апостола Просвещения» на Русской земле. Свою библиотеку, научные инструменты и музей он завещал Академии наук. В народе шли слухи, будто Брюс колдун и чернокнижник.

(Через полвека после смерти Я. Брюса был издан «Первобытный Брюсов Календарь». В нем указаны астрономические явления до XXI века. Издатели календаря к астрономическим таблицам Я. Брюса присовокупили домыслы астрологов. В ту пору мода на спиритизм, оккультизм, гороскопы и прочие предрассудки пришла в Россию с Запада. «Брюсов календарь» бесспорно доказал: предсказания астрономов, основанные на данных науки, верны; астрологические прогнозы ложны. Это полезно было бы знать нынешним приверженцам астрологических фантазий.)

В 1719 году вышла в России «Всеобщая география» Б. Варениуса, также на основе гелиоцентрической системы. Однако сторонники неподвижной земной тверди, вокруг которой движется Солнце (очевидный факт!), не собирались сдаваться. Продолжалась идеологическая война.

Директор Петербургской типографии М.П. Аврамов полагал, что это «атеистические богопротивные книжищи». Мастер Монетного двора – из крестьян – И.Т. Посошков писал в 1720 году: проникла на Русь умственная «зараза проклятого Коперника, Богу суперна». Петербургский священник Симеон Лукин заявил: «Я ученых людей везде не люблю насмерть; старания и труды из таких людей происходят больше ничего, как пустые враки».

Противостоять царской воле Петра ретрограды не могли. Но их убеждения и активность, отражавшие общественное мнение, показывают, в какой обстановке приходилось работать передовым русским ученым, прежде всего – Ломоносову. Сказывалось и то, что после Петра Великого началась череда дворцовых переворотов; верхние слои общества были озабочены политическими интригами, а не просвещением и развитием наук.

Практические знания ценились и распространялись в связи с развитием кораблестроения, артиллерии, навигации, картографии, горного дела, металлургии. Однако теоретическая, фундаментальная наука, естествознание воспринимались как интеллектуальное излишество, умственные упражнения, граничащие с вольнодумством, а то и с ересью.

Здорово рассуждая, с таким мнением можно согласиться. Жили же многие поколения сотни, тысячи лет, не зная научных премудростей, уповая на трудовые навыки, заветы предков и священные предания. Какая разница, как появились на поле валуны чуждых пород – нечистая сила их разбросала или Всемирным потопом занесло? Надо убрать их с поля и пахать, вот и вся наука.

Император Петр Великий понял: в новую эпоху для великой державы необходимы научные знания, выходящие далеко за пределы, установленные религией. Развитие промышленности и техники, освоение природных богатств требуют не общих рассуждений и толкований Священного Писания, не только овладения трудовыми навыками, переходящими из поколения в поколение, но познания законов природы, основанного на опытах и наблюдениях.

Религиозные верования порой находятся между собой в непримиримых противоречиях. То же относится и к философским учениям. Только в науке есть единый надежный фундамент: неопровержимо доказанные факты и основанные на них обобщения (не путать с теориями и тем более с гипотезами, предположениями).

Петр I был далек от такого рода рассуждений, но ему помогла интуиция великого государственного деятеля. Он не жалел средств для экспедиций, изучающих русскую Сибирь, Дальний Восток. А разве можно создать, скажем, карту Российской империи без знания астрономии, основ высшей математики, геодезии?

Интерес царя к наукам поддержал ряд европейских ученых, и наиболее знаменитый среди них – Лейбниц. Он был инициатором создания Берлинской академии наук и предлагал Петру I учредить подобную организацию в России. Последний укрепился в этом намерении, посетив Парижскую академию наук.

Ученик Лейбница философ Христиан Вольф (ставший иностранным почетным членом Петербургской Академии наук) писал в январе 1721 года: «Его Императорское Величество намерен создать Академию наук и при этом еще другую, где высокие персоны могли бы получить знания в нужных науках и при этом заботиться об успехе искусства и ремесла».

27 декабря 1725 года (уже после смерти Петра Великого) состоялось первое заседание Петербургской Академии наук. На нем присутствовали многие знаменитые ученые, прибывшие из-за границы, князь Меншиков, важные сановники, Феофан Прокопович и представители духовенства.

«Среди разрухи русской государственной жизни в первые десятилетия после Петра, – писал В.И. Вернадский, – высокий уровень работы Академии не удержался. Условия жизни были тяжелы. Лучшие ученые ушли, новые назначения были неудачны. Долгие годы Академия переживала эпоху упадка... При начале царствования Елизаветы была даже опасность самого ее сохранения. Но Академия пережила безвременье... она всегда оставалась самым сильным научным творческим центром в русской жизни».

Ее выживанию и расцвету содействовало то, что перед государством Российским с его необъятными просторами стояла насущная задача: познание природы прежде всего собственных неизученных территорий и акваторий. Петербургская Академия в подобных исследованиях превзошла достижения всех других академий.

Этому во многом содействовал В.Н. Татищев. Он составил разосланный в 1737 году Академией наук вопросник, где, в частности, предлагалось фиксировать северные сияния, уточнять строение почв, искать окаменелые остатки животных и растений. Ломоносову суждено будет сказать свое веское слово по этим проблемам.

«1737 год, когда Крашенинников отправился самостоятельным ученым на Камчатку, – писал В.И. Вернадский, – есть памятный год в истории русской культуры. Это было первое начало самостоятельной исследовательской научной работы русского общества. В этом году Вольф писал в Академию наук ее президенту барону Корфу: „Виноградов и Ломоносов начинают уже говорить по-немецки и довольно хорошо понимают то, о чем говорится... Стали они также учиться рисованию, которое им пригодится как в механике, так и в естественной истории. Зимой они будут слушать экспериментальную физику“. Два первых русских натуралиста одновременно входили в новую жизнь: один – в безлюдье Камчатки, в ее девственной природе, другой – в реформированном университете Марбурга...»

С появлением Крашенинникова и Ломоносова подготовительный период в истории научного творчества русского народа кончился. Россия окончательно как равная культурная сила вошла в среду образованного человечества, и началась новая эпоха в ее культурной жизни».

...Невольно возвращаешься мыслью из прошлого в настоящее. В современной РФ тоже произошло нечто подобное, но только с противоположным знаком. В конце XX века завершился славный период развития русской советской науки. Наша страна из передовых перешла в разряд научно-технических «среднячков», а то и причисляется к слаборазвитым. Невиданную популярность обрели суеверия, в том числе религиозные и научные.

Тем, кому не безразлична судьба русской культуры, русского народа и нашего Отечества, следовало бы всерьез поразмыслить над происшедшей метаморфозой. Чудеса нанотехнологии, волшебные превращения способом модернизации, несмотря на современные термины, не вознесут нашу страну к вершинам научно-технического прогресса, не поставят в один ряд с передовыми странами. Необходим подъем общего нравственного и культурного уровня народа и его интеллектуальной прослойки.

Так было во времена явления Ломоносова. Так было – несравненно более мощно – после победы народовластия и подъема СССР в середине прошлого века. Что нас ждет впереди? Многое зависит от того, осознаем ли, примем ли к сведению уроки нашей истории в проекции на современность.

Наивно полагать, будто в обособленной касте «научных работников», подчиненных законам купли-продажи («рыночных отношений»), подобно экзотическим фруктам в теплице, возникнут великие личности творцов, подобных Ломоносову, Менделееву, Вернадскому.

«Науки юношей питают»

В одной из од Михаил Ломоносов легким «пушкинским» стихом перевел высказывание Марка Туллия Цицерона:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут.

Здесь упомянуты науки вообще, включая богословие и философию. Однако с XVII века началось все более резкое разделение методов науки, философии, теологии (богословия). Одним из первых, кто это отметил, был Фрэнсис Бэкон (1516–1626). По его словам, «всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений и соответствующих, целесообразно поставленных опытов. Здесь чувство судит об опыте, опыт судит о природе и о самой вещи».

В фантастическом Городе Солнца Фрэнсиса Бэкона имеются телескопы и микроскопы, подводные лодки, сложные машины и передатчики звуков на расстояние; залы, где искусственно вызывают дождь, снег и молнию, сохраняют жизнеспособность отдельных человеческих органов... Это было провидением великих достижений науки и техники.

Тогда же Галилео Галилей (1564–1642) великолепно использовал научный метод, о котором Фрэнсис Бэкон рассуждал как философ. Создав телескоп, Галилей наблюдал горы и моря на Луне; доказал, что Млечный Путь – скопление бесчисленных звезд, и призывал «изучать великую книгу Природы». Он проводил продуманные эксперименты и, вопреки запрету инквизиции, опубликовал книгу «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению». По его словам, «ни одно изречение Писания не имеет такой принудительной силы, какую имеет любое явление природы».

Член Лондонского Королевского общества Исаак Ньютон в 1687 году издал свой грандиозный труд «Математические начала натуральной философии», где торжествуют математика и механика, земная природа вовсе не принимается в расчет, а философии определено скромное место. Возможно, точнее было бы говорить о математических началах небесной механики.

В Европе еще со времен Античности (школа пифагорейцев) существовало мнение об устройстве Мироздания на принципах гармонии небесных сфер, которую можно выразить на языке математики. Но только два тысячелетия спустя, прежде всего благодаря работам Галилея, Ньютона, Лейбница и других ученых, это умозрение было подтверждено в механике и астрономии конкретными разработками.

Современник и соотечественник Ньютона поэт Александр Поп написал панегирик:

Был Божий мир кромешной тьмой окутан.
«Да будет свет!» – И вот явился Ньютон.

Так выразилось убеждение, что всю натурфилософию можно построить на математическом основании. Ньютон высказал свое мнение: «Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы».

Такое стремление было свойственно и Михаилу Ломоносову. Об этом свидетельствуют его научные работы: «Элементы математической химии», «Теория электричества, состав-

ленная по математическому методу». Еще в период ученичества, судя по всему, он узнал о существовании ньютоновских «Математических начал натуральной философии». Ему захотелось более основательно познакомиться с математикой и физикой, которая по античной традиции считалась наукой о природе.

«Заиконоспасская библиотека, – писал Я.Я. Штелин, – не могла насытить жадности его к наукам» (точнее – жажды познания). Он испросил у архимандрита разрешения отправиться на год в Киев для изучения философии, физики, математики. Разрешение было дано – вместе с денежным довольствием.

Значит, руководство учебного заведения было высокого мнения о его знаниях и прилежности. Возможно, сказалось покровительство Феофана Прокоповича. Но вовсе не обязательно, чтобы он ходатайствовал за Ломоносова. Достаточно было уже того, что столь авторитетный мыслитель и религиозный деятель высоко оценил знания учащегося.

Ломоносов упорно стремился продолжить учебу. В конце 1732 года умерла его мачеха. Отец вновь стал вдовцом, и для него важно было, чтобы рядом оказался единственный сын. Однако Михаил готов уехать в дальнюю и, возможно, опасную экспедицию, но не возвращаться домой.

Биограф Ломоносова Е.Н. Лебедев полагает, что дело тут в наследственной «упрямке»; мол, «ни отец, ни сын не пожелали сделать шаг навстречу друг другу». Так ли? Нет, не совсем так. По признанию Михаила, он получал от отца (точнее, с его слов, ибо отец был неграмотным) письма с просьбой вернуться домой. Значит, об упрямстве отца речи быть не может.

А в чем заключалось упрямство Михаила? Неужели он не мог простить отцу то, что тот принимал сторону мачехи? Но ее-то уже нет, и вряд ли был Михаил столь злопамятен. Отца он уважал, понимая, что ему многим обязан. Упрямство Михаила Ломоносова проявлялось не в семейном раздоре, а в сфере иной – в упорном стремлении к познанию.

По этой причине ушел он из отчего дома, рискнул обманом поступить в Спасские школы, терпел лишения, просиживал над книгами в библиотеке. А в монастырской библиотеке помимо трудов греческих и римских мыслителей, Отцов Церкви, были книги Тихо Браге, Галилея, Декарта. Читал ли тогда их Михаил Ломоносов? Трудно сказать. Пожалуй, они предназначались только преподавателям. Но можно предположить, что любознательный юноша имел представление и об античной атомистике, и о системе Коперника, и о фундаментальном труде Ньютона.

Итак, стремясь расширить свой умственный кругозор, Михаил Ломоносов с благословения архиепископа, руководителя Славяно-греко-латинской академии, отправился в Киев.

Увы, в знаменитой тамошней академии он, как писал Якоб Штелин, «против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии; не имея же случая успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славянском, греческом и латинском языках».

И здесь учащиеся «ограждали» от книг, способных поколебать веру в истины Священного Писания. Ломоносову оставалось заняться главным образом чтением старинных летописей. О нескольких месяцах, проведенных им в Киеве, сведений не сохранилось. Но они для него не прошли бесследно. Через 15 лет ему предстоит серьезная дискуссия о происхождении русского народа и научная разработка этой проблемы.

Почему он стал изучать летописи, хранимые в Киеве? Его глубоко волновали тема прошлого России, славянских племен, создавших государство, и роль в этом пришельцев – варягов. Ведь в ту пору (и позже) на российском престоле находились немцы. Не означало ли это, что русскому народу чужда государственность? Неужели русские остаются варягами, в отличие от цивилизованных народов Европы? Не потому ли в Российской империи нет собственных крупных ученых, которых приходится выписывать из-за границы?

(С конца XX века постоянно слышатся сетования на то, что русский народ «не созрел» для демократии, а потому склонен к тоталитаризму; тема болезненная, как хроническая заноза, и ее полезно осмыслить основательно.)

По-видимому, именно в Киеве Ломоносов всерьез заинтересовался теорией поэзии. Основанием для этого послужила «Поэтика» Феофана Прокоповича, составленная на основе курса лекций, прочитанных им в Киево-Могилянской академии.

Как писал А.И. Львович-Кострица, «к сожалению, того, что он надеялся получить от Киевской Академии, она ему не дала. Там все подчинила себе польская схоластика, и вместо положительных знаний, которых так жаждал юноша, он встретил здесь правда весьма изощренные, но зато и достаточно бессодержательные, философские и богословские прения. В них, главным образом, и заключались все занятия в Академии».

Подобные прения не так уж часто были бессодержательными. Наивно полагать, будто ученые монахи только и занимались повторением одних и тех же богословских истин. Приобщаясь к трудам Отцов Церкви, они совершенствовали культуру мышления, хотя и при остром недостатке знаний о Природе.

Для Михаила Ломоносова, который провел детство и отрочество в деревне, бродил в лесах, рыбачил в море, окружающий мир был величественным и таинственным. Иисус Христос учил: «Царство Божие внутри вас». Безусловно! Но и природа вне нас – тоже Царство Божие. Если самопознание – углубление в собственный мир души, то познание окружающего мира – расширение до беспредельности своего духовного бытия, приобщение к замыслам и деяниям Творца.

Примерно так мог размышлять Михаил Ломоносов после богословских дискуссий. Они уже не удовлетворяли его. Ученые монахи-мыслители предпочитали меньше рассуждать о мире материальном, а для него земная природа была воплощением божественного разума.

Он убедился, что богословие ограничено сугубо человеческими отношениями и проблемами, не говоря уже о церковных установлениях. Но приобщиться к естествознанию русский юноша мог только в зарубежных учебных заведениях.

Каким бы талантливым и любознательным ни был самоучка, познание будет оставаться его личным делом и достоянием, если он останется в стороне от общественной жизни, пока его знания не будут востребованы. Должна существовать интеллектуальная и социальная среда, которая благоприятствует появлению и расцвету таланта, его признанию и поощрению.

В искусстве или литературе немало великих творцов было признано через десятки или сотни лет после их смерти. Их произведения вошли в фонд мировой культуры, сохраняя свое значение для текущих поколений.

Иная ситуация в науке и технике. Здесь открытия или изобретения нередко совершаются примерно в одно и то же время, а те, которые не были оценены сразу, сравнительно быстро стареют, остаются в архивах как достояние истории. Вот и с научным наследием Ломоносова, как нередко говорят, произошло нечто подобное. Хотя в действительности всё было не так просто, в чем нам предстоит позже убедиться.

Искушение свободой

Михаила Ломоносова можно было бы назвать баловнем судьбы, если бы не его упорство в обретении знаний и ясный ум. Его могли выгнать из Спасских школ или сослать в дальний монастырь, не оказавшись в этот момент в Москве Феофана Прокоповича. Что ждало его после окончания учебного заведения?

Как один из лучших учеников, он имел возможность получить вполне приличную должность и продолжить образование на более высоком уровне. Увы, путь этот в 1734 году был для него закрыт наглухо. Почему именно в этом году? Потому что единственное учебное заведение, куда его могли бы зачислить, – гимназия при Петербургской Академии наук – пребывало в плачевном состоянии.

Открытая по воле Петра Великого, через полгода после его смерти она была воспринята Екатериной I и Анной Иоанновной как излишество, практической пользы не имеющее. Христиан Вольф, которому император прочил место президента Петербургской Академии, отказался от такой чести и не видел перспектив у этого учреждения. Он ссылался на опыт Берлинской академии, которая «известна всему свету, но пользы никому и ничему не принесла».

По мнению Вольфа, для России был полезней университет, где учились бы русские, которые со временем могли стать крупными учеными. И хотя Петр Великий предполагал открыть при Академии школу и университет, этого не было сделано. Проект Академии составил лейб-медик императора Л. Блюментрост, ставший ее главным командиром (президентом). Он был широко образованным человеком, хотя научные исследования не проводил.

Выбирал первых академиков главным образом Христиан Вольф. Главенствующее положение в ней по первоначальной идее было определено математике. Но императрица Анна Иоанновна и ее фаворит Бирон постарались сделать так, чтобы Академия приносила пользу, а потому в ее члены стали принимать тех, кто умел сочинять стихотворные тексты к фейерверкам и на праздники.

Деньги на эти учреждения выдавали скупо, а то и вовсе не платили; гимназия пребывала в плачевном состоянии, не имея средств, и в ней оставалось лишь несколько учеников. Профессорам приходилось читать лекции преимущественно адъюнктам или своим коллегам. Блюментрост передал управление Академии своему секретарю Шумахеру, который стал распоряжаться академическими суммами своевольно и лишь увеличил долги.

В сентябре 1734 года президентом Петербургской Академии был назначен барон Иоганн-Альбрехт фон Корф. Он взялся энергично за дело, запросил 64 тысячи рублей и добавил: «Ежели Академия скорой помощи не получит и не приведена будет в надлежащее и определенное состояние, то имеет она, без сомнения, разрушиться и толь многие тысячи купно с оною честью, которую Академия у иностранных себе получила, пропадут без всякой пользы».

Средства, хотя и в урезанном виде, ему предоставили, определив на нужды гимназии 4398 рублей 25 копеек. Барон Корф обратился в Сенат с предложением прислать в академическую гимназию учеников «из монастырей, гимназий и школ в здешнем государстве двадцать человек». Предложение было принято. Корф в письме к архимандриту Заиконоспасского монастыря Стефану просил прислать юношей «добрых, которые бы в приличных к украшению разума науках довольное знание имели и вам бы самим чести и Отечеству пользу учинить могли».

Архимандрит выбрал 12 лучших учеников, среди которых был и Михаил Ломоносов. Для него – еще один подарок судьбы!

Под надзором отставного прапорщика Василия Попова они в начале января 1736 года прибыли в Петербург. Пришла пора учиться в гимназии при Академии наук. Каждому гимназисту выделили стипендию по 5 рублей в месяц (в Москве они получали вдвое больше, но на весь год). Он купил недавно изданную книгу В.К. Третьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и стал с немалым рвением изучать начальные основания математики и философии, упражнялся в стихосложении на латинском и русском языках.

Вновь не обошлось без стечения обстоятельств, способствовавших его восхождению «по ступеням учености» на вершины знаний. Началось это раньше – с несчастного случая. Первым академиком по кафедре химии был прибывший из Курляндии в марте 1726 года М. Бюргер. Через четыре месяца, возвращаясь с пирушки пьяным, он выпал из экипажа, получил тяжелую травму и вскоре скончался.

На кафедру химии назначили молодого фармацевта из Тюбингена Иоганна-Георга Гмелина (1709–1755). В 1731 году он стал академиком, а через два года был назначен как натуралист в Камчатскую экспедицию. Правда, он предпочел изучать Центральную и Южную Сибирь, провел в научных странствиях 10 лет и вернулся в Петербург только в 1743 году.

Кафедра химии пустовала. Барон Корф просил немецкого горного советника профессора Иоганна Фридриха Генкеля рекомендовать специалиста-химика. Такого не нашлось, и Генкель предложил прислать ему трех толковых молодых людей для изучения горного дела и металлургии. Его предложение было принято и утверждено Сенатом. Фон Корф в марте 1736 года представил Императорскому кабинету записку:

«Если по моему, 23 февраля сего года поданному докладу все милостивейшее повелено будет несколько молодых людей в Фрейбург к берг-физику Генкелю для обучения металлургии отправить, то могут выбраны быть из нижеследующих учеников:

1. Густав Ульрих Райзер, советника Берг-коллегии сын, рожден в Москве и имеет от роду 17 лет.
2. Дмитрий Виноградов, попович из Суздаля, 16 лет.
3. Михайло Ломоносов, крестьянский сын из Архангелогородской губернии, Двиницкого уезда, Куростровской волости, 22 лет.

Понеже они все те свойства имеют, каких помянутый берг-физик требует, то надеяться можно, что они со временем изученные берг-физику будут (хотя Дмитрий Виноградов с Михайло Ломоносовым немецкого языка не знают, однако еще в бытность свою здесь через три месяца столько научиться могут, сколько им надобно)».

Замечательно уже то, что никто не стал возражать против включения в список крестьянского сына. Понимали: ум, память и прилежание не имеют отношения к сословной принадлежности.

На год обучения и содержания студентам выделили 1200 рублей. Согласно инструкции от них требовались пристойное поведение, старательное изучение наук, после чего практическое изучение рудников. Усовершенствоваться в русском, немецком, латинском и французском языках, «чтобы они ими свободно говорить и писать могли, а притом учиться прилежно рисованию; каждые полгода присылать в Академию наук известия об успехах и нечто из своих трудов», а также счета и расписки о расходах. Дополнительная инструкция предполагалась, «ежели они потом, смотря по обстоятельствам, далее в Саксонию, Голландию, Англию и Францию посланы будут».

Согласно одной версии, профессор запросил сумму, которую Академия выплатить не могла, и потому командировка едва не сорвалась. Настойчивый фон Корф с той же просьбой обратился в Марбург к Вольфу, и тот дал согласие. По другой версии, отец Густава Райзера предложил фон Корфу направить трех молодых людей сначала в Марбургский университет, проректором которого был Христиан Вольф, для более основательного изучения математики, физики, механики и химии.

Так или иначе, а в начале ноября 1736 года трое русских студентов морем прибыли в Марбург, пережив сильный шторм, едва не опрокинувший их судно.

Ломоносов получил возможность ознакомиться с научными достижениями последних десятилетий. У Христиана Вольфа он слушал лекции по философии, логике, математике, механике и физике, а у профессора Юстина-Герарда Дуйзинга – по химии. Кроме того, вместе с Виноградовым он брал уроки немецкого и французского языков, рисования, танцев и фехтования.

(Позже, отправляясь в Фрейберг к горному советнику Генкелю, Ломоносов получил от двух упомянутых профессоров прекрасные отзывы о своих успехах в познании наук.)

В октябре 1738 года он послал в Академию донесение на немецком языке о лекциях, которые посещал, и о приобретенных им книгах, а также свою статью по одному из вопросов физики и стихотворный перевод: «Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, архиепископ дюк Камбрейский, священныя Римския империи принц».

Выбор произведения рассчитан, пожалуй, на восприятие русскими вельможами. По содержанию это пейзажная лирика с философским подтекстом. В оде воспеваются величие и безмятежная красота природы, в отличие от алчного, похотливого, суетного и жестокого мира людей...

Впрочем, о стихах мы поговорим позже. А пока вернемся в Марбургский университет, где приобщаются к наукам Михаил Ломоносов и его товарищи. Время и деньги они тратили не только на обучение и безбедное проживание. Ломоносов и Виноградов несколько лет провели в монастырских стенах – полуголодные, в плохонькой одежде. А теперь у них в карманах золотые монеты, а вокруг столько соблазнов!

«И вот все трое неудержимо предаются кутежу, – писал А.И. Львович-Кострица, – и, конечно, со всеми безобразиями, на какие способен, кажется, один подгулявший русский человек. Цены деньгам они не знали, обращаться с ними не умели и тратили их без зазрения совести. Конечно, должны были прийти и вскоре пришли тяжелые дни, когда в их карманах не оказалось ни гроша. Но в университетских городах Германии студент с давних пор пользовался кредитом. Раздобыли его и наши молодые люди, однако отказаться от разгула им было уже нелегко».

Так ли точно все было, сказать трудно, да и безобразия творят не только пьяные русские. Однако выданные им средства они растратили уже в первый же год. Христиан Вольф написал в Петербургскую Академию: «Деньги, привезенные ими с собой, они прокутили, не заплатив того, что следовало, а потом, добыв себе кредит, наделали долгов. Не мешало бы напомнить им, чтобы они были бережливее, а то в случае отозвания их окажутся долги, которые могут замедлить их отъезд. Они, кажется, еще не знают, как надо обращаться с деньгами и жить бережливо, да и не думают о том, чем кончится дело, когда отзовут отсюда. У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними; при хорошем прилежании он мог бы научиться многому, выказывая к учению большую охоту и любовь».

В ответном письме из Петербурга русским студентам строго указывалось: «Не тратьте денег на наряды и пустое щегольство... остерегаться делать долги». Но с тем же наставлением они отбыли в Германию, и если оно не возымело действия, на это были веские причины.

Немецкие студенты, преимущественно дети состоятельных родителей, вырвавшись на свободу, считали своим первейшим долгом не учиться, а веселиться. Попойки, удалство, карточные игры, драки, совращение девиц, дуэли на шпагах... Войдя в эту среду, русские студенты, имевшие поначалу немалые средства, старались не отставать от других, а то и превзойти их в бесшабашных поступках.

«Марбург, – писал Георгий Шторм, – весь в зелени, разбросанный по крутым уступам холма, представлял живописную картину пестротой своих черепичных крыш и поздней готикой замков, видом фланирующей молодежи и охотничьих кавалькад.

Молодежь далеко не всегда фланировала спокойно. Гораздо чаще студенты бродили шумными ватагами, врываются в церкви во время свадеб и похорон, разбивали купеческие лавки и синагоги; били окна в домах. Они держали город в постоянном страхе. Схватки между студентами и обывателями были весьма обычным зрелищем. Население оповещалось о драках колокольным звоном. Во время же выбора нового ректора, набат не умолкал».

По свидетельству современника, «у наших студентов вместо книг – ссоры, вместо записок – кинжалы, вместо ученых диспутов – кровавые драки, вместо аудиторий – трактиры и кабаки». Тем, кто проходил первый год обучения, приходилось испытывать на себе все прелести того, что теперь называют «дедовщиной». Старшеклассники могли их пороть, заставлять чистить свои сапоги или выполнять за них учебные задания, поить допьяна за свой счет, а потом развозить по домам.

Крепко доставалось новичкам, усердно записывающим лекции. Их презрительно называли «пеналами» (коробкой для перьев). Только вряд ли русские первокурсники позволяли издеваться над собой. Ломоносов без особых хлопот мог дать взбучку нескольким студентам. Но можно ли было оставаться вне студенческих «забав»? Нет, конечно. И все-таки при всех подобных издержках Михаил Ломоносов был одним из лучших учеников Христиана Вольфа.

На второй год обучения он послал в Академию две статьи: по физике и по химии. Судя по всему, учился он охотно и успешно. Однако преодолеть искушения вольной студенческой жизни не смог. В конце 1738 года Вольф известил Петербургскую Академию: при немалых успехах в учебе русские студенты вошли в крупные долги; «лучше всего будет, конечно, если они оставят университет и поступят к химику, потому что у него они не будут иметь той свободы, которой их в университете никак нельзя лишить».

Так и было решено. Русской лихой тройке студентов приказали отправиться во Фрейберг к Генкелю – для обучения металлургии и горному делу. Отъезд их проходил при стечении немалого числа людей обоего пола и не без происшествий. Об этих проводах Вольф написал фон Корфу:

«Студенты уехали отсюда 20 июля (1739 года) утром, после 5 часов, и сели в экипаж у моего дома, причем каждому при входе в карету вручены деньги на путевые издержки. Из-за Виноградова мне пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновения его с разными студентами, которые могли замедлить отъезд. Ломоносов также еще выкинул штуку, в которой было мало проку и которая могла послужить только задержкою, если бы я, по теперешнему своему званию проректора, не предупредил этого... Причина их долгов обнаруживается лишь теперь, после их отъезда. Они чрез меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу.

Пока они еще сами были здесь налицо, всякий боялся сказать про них что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всех в страхе... Когда они увидели, сколько уплачивалось за них денег (около двух тысяч рейхсталеров), и услышали, какие им делали затруднения при переговорах о сбавке, тогда только стали они раскаиваться и не только извиняться предо мною, что они наделали мне столько хлопот, но и уверять, что впредь хотят вести себя совершенно иначе и что я нашел бы их совершенно другими людьми, если бы они только ныне явились в Марбурге. Я убеждал их, что им теперь необходимо опять загладить свой проступок пред вашим превосходительством и Академией наук, а что обо мне им нисколько не нужно беспокоиться. При этом особенно Ломоносов от горя и слез не мог промолвить ни слова».

Такого добродушного и мудрого наставника, как Христиан Вольф, он уже больше не встретит. Хотя чрезмерная мягкость профессора едва не обернулась для Ломоносова и Виноградова бедой: за буйства и неоплаченные долги можно было подвергнуться суровому наказанию.

Первые успехи и конфликты

Отъезд из Марбурга походил на бегство от расправы. Хотя, как выяснил Вольф, многие из этих долгов были мнимыми. Русских обманывали, завышая цены: «Там, где можно было, я кое-что списывал со счетов в присутствии гг. студентов с тем, чтобы они сами видели, что можно было выторговать и сколько уплачено под расписки».

А.И. Львович-Кострица счел нужным подчеркнуть, что Ломоносов во время пребывания в университете не только приобрел обширные познания в науках и солидное умственное развитие. Вместе с тем, по мнению писателя, «развились и слабые стороны его характера, особенно пристрастие к крепким напиткам, от которых наш ученый не мог отделаться в течение всей своей жизни и которое свело его преждевременно в могилу».

С таким мнением трудно согласиться. О том, что Михаил Ломоносов (в отличие от Виноградова) не тратил много денег и времени на кутежи, свидетельствует уже тот факт, что учился он превосходно. О нем Христиан Вольф написал: «Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким прилежанием будет продолжать свои занятия, то со временем, по возвращении в отечество, сможет принести пользу государству, чего от души желаю».

И еще: «Я не могу не сказать, что в особенности Ломоносов сделал успехи в науках; с ним я чаще имел случай говорить». То есть к нему чаще других обращался Ломоносов, и, ясное дело, не по пустякам.

Показательный факт: вернувшись в Петербург из зарубежной командировки, Ломоносов еще дополучил положенное ему жалованье. А тратил он немалые средства на приобретение семи десятков книг на латинском, немецком и французском языках. Среди них – научные и философские труды, классика художественной литературы.

Что имел в виду почтенный профессор, говоря о «пристрастии к женскому полу» русских студентов? Кто и что об этом ему сообщил? Возможно, с ним побеседовала Екатерина Цильх, вдова уважаемого марбургского бюргера, пивовара и церковного старосты Генриха Цильха. У нее снял комнатку с пансионом русский студент Михаэль Ломоносов. Он с особенной страстью упражнялся в немецком языке с ее шестнадцатилетней дочерью Елизаветой Христиной, и у них вскоре обнаружилось нечто большее, чем романтическое увлечение.

В феврале 1739 года молодые люди обвенчались. Михаил Ломоносов был влюблен всерьез. Об этом свидетельствуют его стихотворные переводы того времени, воспевающие любовь. Однако невесте пришлось проститься с женихом на долгий срок по независящим от него обстоятельствам. Первое – отъезд во Фрейберг.

...К прибытию русских студентов у Генкеля во Фрейберге уже была инструкция от барона Корфа: «Эти три лица в прилежании и успехах своих очень не равны между собою; в мотовстве же как бы превосходят друг друга... Вследствие этого Академия наук нашла себя вынужденною уменьшить отныне стипендию трех студентов и каждому из них, вместо прежде назначенных в год 300 рублей, выдавать на содержание только половину, то есть 150 рублей».

Предписывалось: «Студентам же, кроме одного талера в месяц, назначенного им на карманные деньги и разные мелочи, не выдавать никаких денег на руки, а между тем объявить везде по городу, чтобы никто им не верил в долг, ибо если это случится, то Академия наук за подобный долг никогда не заплатит ни одного гроша».

В таких суровых условиях учеба шла отлично. Ломоносов изучал минералогию и металлургию; четыре месяца переводил статьи и проводил химические опыты с солями для молодого графа Готлиба Фридриха Вильгельма Юнкера, члена Петербургской Академии, приехавшего в Германию для изучения соляных промыслов.

Тот год был отмечен первым значительным успехом Ломоносова как поэта. Он сочинил и послал в Петербург «Оду блаженные памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года». Она – впервые на русском языке – написана ямбом.

К стихотворению он приложил «Письмо о правилах российского стихотворства», в котором рассказал, как начал писать стихи тоническим размером, и привел примеры своих опытов. Особо отметил: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может».

Готлиб Юнкер оплатил почтовые расходы. В академических кругах Петербурга сочинение Михаила Ломоносова и его мысли по теории поэзии произвели некоторое замешательство. Третьяковский в пространным письме изложил свои возражения против новаторства молодого поэта (это послание не отправили в Фрейберг во избежание излишних почтовых расходов).

С этих пор имя поэта Ломоносова приобрело известность.

Отношения между Генкелем и Ломоносовым сравнительно быстро стали обостряться. Первой причиной было скудное содержание, которое получали русские студенты. Генкель убедил руководство Петербургской Академией наук, что они не могут обойтись стипендией в 200 рейхсталеров в год, и получил прибавку – по 50 талеров на каждого. Однако на личные расходы он продолжал выплачивать им прежнюю незначительную сумму.

Была и другая причина, не менее веская: Генкель продолжал проводить с ними рутинные химические лабораторные занятия, постоянно откладывая обучение горному делу.

«Первый случай к моему поруганию, – писал Ломоносов секретарю и библиотекарю Петербургской Академии наук Иоганну Даниилу Шумахеру в ноябре 1740 года, – представился ему в лаборатории в присутствии господ товарищей. Он понуждал меня растирать сулему. Когда я отказался, ссылаясь на скверный и вредный запах, которого никто не может вынести, то он не только назвал меня ни на что не годным, но еще спросил, не хочу ли я лучше сделаться солдатом, и наконец с издевательскими словами выгнал меня вон.

С горем и досадой я вынужден был перевернуть подобный комплимент, да к тому еще попросить у этого господина прощения. Вскоре после того он без всякой причины прогнал меня из прежней моей квартиры в другую, которая была не дешевле и не лучше, а причина была следующая: хозяином был доктор медицины, с которым он по какому-то поводу поссорился; я же принужден был заплатить 2 рейхсталера за переноску вещей, да сверх того столько же дать хозяину, поскольку еще не истек срок, на который я нанял комнату. Этим он, однако, не удовольствовался, а искал случая задеть меня еще сильнее, в чем и успел. Ввиду того что все нужные нам припасы он брал у своего тестя, платя ему за них очень щедро, он в конце концов решил сберечь деньги и отделаться от нас в месяц 4 рейхсталерами, на которые нам совершенно невозможно было себя содержать. Поэтому я в лаборатории стал просить его о прибавке, но он отвечал, что, если бы нам даже пришлось просить милостыню, он все же ничего нам больше не даст».

По словам Генкеля, все началось с того, что Ломоносов наотрез отказался выполнять лабораторное задание. «Видя, что он, кажется, намерен отделаться от работы и уже давно желает разыгрывать из себя господина, – писал Генкель в рапорте Академии наук, – я решил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы испытать его послушание, и стал настаивать на своем, объясняя ему, что он таким образом ничему не научится, да и здесь будет совершенно бесполезен: солдату необходимо понюхать пороху».

Генкеля раздражали знания ученика («желает разыгрывать из себя господина»), которого заставляли негодовать ученические штудии, тогда как у Христиана Вольфа, по его мне-

нию, они это проходили с более квалифицированными объяснениями. Генкеля более всего выводили из себя самостоятельность, гордость, незаурядные знания и здравые рассуждения русского студента. По словам Ломоносова, «в то же время он презирал всю разумную философию, и когда я однажды, по его приказанию, начал излагать химические явления, то он тотчас же, ибо это было сделано не по его перипатетическому концепту, а на основе принципов механики и гидростатики, велел мне замолчать, и с обычным своим умничаньем поднял мои объяснения на смех, как пустую причуду». Михаилу было 28 лет; он был сложившимся мужчиной и в физическом, и в умственном отношении.

Научные основы химии тогда еще только формировались. Не было даже четкого разделения наук. Физику называли экспериментальной философией, химию причисляли к алхимии, медицине или говорили о единой «физико-химии»; вместо геологии было горное дело. А знаменитый английский философ Гоббс утверждал, что лабораторные опыты лишь затрудняют познание реальных природных процессов. (В таком суждении есть доля правды.)

У Генкеля и Ломоносова были разные представления о сути химических реакций. Преподавателя возмущало, что у его ученика было свое мнение на этот счет. В отличие от Генкеля Ломоносов был сторонником идей ирландского ученого Роберта Бойля (1627–1691), который оборудовал в Оксфорде лабораторию, где проводил химические и физические опыты. Ассистентом у него был Роберт Гук. Благодаря ему Бойль прославился как автор закона Бойля – Мариотта: объем газа при постоянной температуре обратно пропорционален его давлению (произведение данной массы идеального газа на его давление постоянно при постоянной температуре).

Роберт Бойль стал основоположником экспериментальной химии, отделив ее от медицины и алхимии. «Химики, – писал он, – до сих пор руководствовались чересчур узкими принципами, не требующими особенно широкого умственного кругозора; они усматривали свою задачу в приготовлении лекарств, в извлечении и превращении металлов. Я смотрю на химию с совершенно другой точки зрения; я смотрю на нее не как врач, не как алхимик, а как должен смотреть на нее философ. Я начертал здесь план химической философии, который надеюсь выполнить и усовершенствовать своими опытами и наблюдениями. Если бы люди принимали успехи истинной науки ближе к сердцу, нежели свои личные интересы, тогда можно было бы доказать им, что они оказывали бы миру величайшие услуги, если бы посвятили все свои силы производству опытов, собиранию наблюдений и не устанавливали бы никаких теорий, не проверивши предварительно их справедливости путем опытным».

Бойлю пришлось выдержать письменную дискуссию со Спинозой, признававшим истинным только логическое доказательство, а опыт – лишь подтверждением теории. Тем не менее в книге «Химик-скептик, или Сомнения и парадоксы химико-физики...» Бойль выступил как теоретик. Он высказал гипотезу строения вещества: свойства материальных тел определяются количеством, расположением и движением первичных частиц, число которых значительно больше, чем четыре элемента Аристотеля и пять стихий алхимиков.

Бойль изучал явление горения, дыхания, обжига металлов. Он обнаружил, что в этих трех процессах принимает активное участие какая-то составная часть воздуха (хотя он и не открыл кислород), а также доказал увеличение веса металла при обжиге.

Развивая идеи Бойля, Ломоносов сделал выдающиеся открытия. О Генкеле ничего подобного сказать, увы, нельзя. Выходит, в 1739 году взгляды студента Ломоносова были плодотворней, чем «мужа знаменитейшего и ученейшего, горного советника Генкеля». Так Михаил обратился к нему в своем покаянном (отчасти) письме сразу же после конфликта. И продолжил: «Ваши лета, ваше имя и заслуги побуждают меня изъяснить, что произнесенное мною в огорчении, возбужденном бранью и угрозою отдать меня в солдаты, было свидетельством не злобного умысла, а уязвленной невинности. Ведь даже знаменитый Вольф, выше

простых смертных поставленный, не почитал меня столь бесполезным человеком, который только на растирание ядов был бы пригоден».

Михаил подчеркнул, что строго соблюдает предписание Академии и не заслужил оскорбительных замечаний профессора «в присутствии сиятельнейшего графа (имеется в виду Юнкер. – *Р.Б.*) и прочих моих товарищей». Да, в чувстве собственного достоинства Ломоносову, как и прочим гениям, нельзя было отказать.

«Так как вы мне косвенными словами намекнули, чтобы я вашу химическую лабораторию оставил, – продолжил он, – то я два дня и не ходил к вам. Повинуясь, однако, воле всемилостивейшей монархини, я должен при занятиях присутствовать; поэтому я желал бы знать, навсегда ли вы мне отказываете в обществе своем и любви и пребывает ли все еще глубоко в вашем сердце гнев, возбужденный ничтожной причиной.

Что касается меня, то я готов предать все забвению, повинуясь естественной моей склонности. Вот чувства мои, которые чистосердечно обнажаю перед вами. Помня вашу прежнюю ко мне благосклонность, желаю, чтобы случившееся как бы никогда не было или вовсе не вспоминалось, ибо я уверен, что вы видеть желаете в учениках своих скорее друзей, нежели врагов. Итак, если ваше желание таково, то прошу вас меня о том известить».

Рассерженный Генкель доложил в Петербург о его недостойном поведении: «Он с шумом и непричинными ухватками отправился к себе, в свою комнату, которая отделена от моего музея только простою кирпичною перегородкою, так что при громком разговоре в той и другой части легко можно услышать, что говорится. Тут-то он, во всеуслышание моей семьи, начал страшно шуметь, изо всех сил стучал в перегородку, кричал из окна, ругался».

Подобные яростные вспышки гнева Ломоносова его недоброжелатели и даже объективные биографы объясняли нетрезвым состоянием. А причина – в его взрывном темпераменте и, повторю, остром чувстве собственного достоинства. Крестьянский сын сознавал свое высокое положение как мыслителя и поэта среди «высоких особ», наделенных чинами, званиями и титулами.

Позже в письме Шумахеру Ломоносов весьма нелестно отозвался о научной компетенции Генкеля: «Сего господина могут почитать идолом только те, которые хорошо его не знают, я же не хотел бы поменяться с ним своими, хотя и малыми, но основательными знаниями, и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным своим спасением; самые обыкновенные процессы, о которых говорится почти во всех химических книгах, он держит в секрете, и вытягивать их приходится из него арканом; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою провел в шахте, чем у него.

Естественную историю нельзя изучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящичков; нужно самому побывать на разных рудниках, сравнить положение этих мест, свойства гор и почвы и взаимоотношение залегающих в них минералов. Потому я умоляю ваше высокородие освободить меня от тиранической власти моего гонителя и при пересылке всемилостивейше пожалованной мне стипендии приказать мне отправиться в какое-либо место, как, например, в Гарц и т. д., где я бы мог изучать горную науку».

Конфликт отчасти был вызван недоразумением. Генкель, если верить его словам, сказал ученику: не станешь настоящим солдатом, не понюхав порошу. А тот понял, что его, мол, надо не учить, а отдать в солдаты.

В письме Шумахеру Ломоносов отметил, что его проступок вызван «тягостным и несчастным обстоятельством, соблазнительному обществу» (по-видимому, он все-таки не всегда целесообразно расходовал деньги), а также длительной задержкой «всемилоостивейше назначенной мне стипендии».

В свое оправдание он писал: «Я со времени прибытия в Фрейберг с охотой и прилежанием обучался горному делу и химии, оказывал горному советнику Генкелю должное почте-

ние и послушание и притом вел пристойную жизнь, чему являются свидетелями не только надворный камеральный советник Юнкер, но и он сам. Я всемерно старался ему угождать, но все это не помогло, а, напротив, его злость, алчность, лукавый и завистливый нрав вскоре выступили наружу».

В чем же проявились алчность и лукавство Генкеля? Он «начал задерживать назначенные нам Академией наук деньги. Мы принуждены были раз по десяти к нему ходить, чтобы хоть что-нибудь себе выклянчить. При этом он каждый раз по полчаса читал нам проповедь, с кислым лицом говоря, что у него денег нет; что Академия уже давно обещала выслать половину следующей ему платы, 500 рублей, и все же слова своего не держит.

Между тем он по всему городу сообщил, чтобы нам совершенно ничего в долг не давали, а сам (как я узнал) на наши деньги покупал паи в рудниках и получал барыши. При таком положении вещей мы вынуждены были почти всегда оставаться без денег и отказываться от знакомства с людьми, у которых могли бы поучиться в горном деле. Что же касается до курса химии, то он в первые четыре месяца едва успел пройти учение о солях, на что было бы достаточно одного месяца; остального времени должно было хватить для всех главнейших предметов, как то: металлов, полуметаллов, земель, камней и серы. Но при этом большая часть опытов вследствие его неловкости оказалась испорченной. Подобные роковые происшествия (которые он диктовал нам с примесью своих пошлых шуток и пустой болтовни) составляют половину содержания нашего дневника».

Ломоносов каким-то образом узнал, что Генкелю за обучение граф Рейсский платит всего 150, а фон Кнехт и магистр Фрейслебен и того меньше: каждый только по 100 рейхс-талеров. Генкель объяснял это тем, что «царица богата и может заплатить еще столько же».

Судя по всему, Генкель старался сорвать с Петербургской Академии наук побольше денег. В то же время он исполнял инструкцию, запрещающую выдавать русским студентам не более 10 талеров в сутки. Как расходовал он немалые суммы, получаемые из России, точно сказать невозможно. Хотя известно, что он покупал, например, для них приличную одежду и обувь. Помимо всего прочего, Академия нередко задерживала перевод денег.

Вряд ли можно определить степень вины Генкеля и Ломоносова в этой расправе. Мы знаем о происшествии только с их слов. У каждого были свои основания действовать так, а не иначе. Профессор считал своим долгом «воспитывать» строптивого ученика в строгости, следуя традициям эпохи (Христиан Вольф в этом отношении был исключением из общего правила). А ученик не терпел унижений, был вспыльчив.

Окончательный разрыв произошел после того, как трое русских пришли в дом Генкеля просить о выдаче положенных им денег. Ответ был суров: ни одного пфеннига больше! «А потом, – писал Ломоносов, – начал осыпать меня всеми ругательствами и проклятиями, какие только мог придумать, и выпроводил меня кулаками из комнаты, и притом, не знаю почему, угрожал мне городской стражей. При подобных обстоятельствах я не знал, что и делать. Во всем городе запрещено было верить нам в долг, и я опасался подвергнуться еще худшему гонению и несчастью».

Михаил Васильевич, никого не спрашиваясь и не ставя в известность Академию наук, покинул Фрейберг в мае 1740 года.

Опасный путь на Родину

Свой побег Ломоносов объяснил тем, что во Фрейберге ему «не только нечего было есть, но и нечему было более учиться». Не менее важной причиной, пожалуй, была органическая несовместимость с Генкелем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.